

ВЛАДИМИР НЕРОБЕЕВ

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Юморески от Чичера Колымского

16+

Владимир Сергеевич Неробеев

Смех сквозь слёзы. Юморески от Чичера Колымского

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66691374
SelfPub; 2021*

Аннотация

На Колыме, где автору посчастливилось прожить почти полтора десятка лет, люди иногда находят золотые самородки. Не спешите, читатель, причислять меня к тем счастливицам. А впрочем, скажу вам откровенно, я обогатился гораздо круче любого из них. Я ведь поехал на Колыму «за туманом и за запахом тайги». Мне подфартило необыкновенно. Не зря начал разговор о самородках. Ситуационный юмор подобен золотым самородкам: попадаете крайне редко и, на удивление, чрезвычайно неожиданно. Настоящим корифеем ситуационного юмора был и есть Антон Павлович Чехов. Он просто кайфовал над человеческой глупостью. Сколько курьёзных случаев описал этот истинный юморист!!! Если читатели, ознакомившись с юморесками данной книги, причислят автора хоть каким-то боком похожим на великого мастера, буду безмерно счастлив. А мне больше ничего и не надо.

Содержание

Загубленный талант	5
Урок немецкого	11
Иваныч	15
Сказка про белого бычка	19
Языковой барьер	26
Честные жулики	31
Ещё раз о тёще	36
Обмишурился	40
Одни любезности	46
Письмо на тот свет	51
Сдвиг по фазе	55
Мастера! Тудыт вашу мать	59
Неудачник	62
Кто есть кто	69
Нельзя ли поаккуратнее	77
Ха-ха ! Ну и дела ! У Васьки Филюгана	79
Юмореска	83
Жулет	86
«Хмырь» иль Вась – Вась	91
А что скажет моя Маня	96
Дурдом	100
Хоть волком вой	104
Бревно-то гнилое	123

О баранах

126

Старый анекдот на новый лад

129

Владимир Неробеев

Смех сквозь слёзы.

Юморески от

Чичера Колымского

Загубленный талант

(Вместо предисловия)

Благодатны наши края Воронежские. Чернозё-ём! Весной оглоблю воткнул в землю, осенью – телега выросла. Это в материальном плане. А уж про духовный и говорить не приходится. Вспомните хотя бы того же Митрофана Пятницкого. Свой знаменитый хор он собирал в наших краях. У нас в каждом дворе поют. Говорок наш к этому располагает. Говорок певучий, поэтический. Звучит примерно так (муж жене ночью спросонок):

Манья-я глянь-я, чтой-та шуршить. Не сынок ли Федя на машине к нам едя-я?

–Будя тебе! Скажешь тожа-аа...Эт вить мышонок твой ботинок гложа-аа.

Очень ладный говорок. Оттого, наверное, у нас частушку сочинить проще простого: был бы повод, хотя бы махонькая

зацепка.

Как-то мой дядя с приятелем (они тогда ещё парнями были) под семиструнку репетировали частушки для концерта художественной самодеятельности. Репетируют, а по радио в известиях передают: ”В Советском Союзе запущен спутник с собачкой на борту”. Дядин приятель тут же подхватил:

“До чего дошла наука!

В небесах летает сука”

В общем, вы поняли, в каких краях я родился. Куда не ки́нь – сплошные таланты: Через правое плечо плюнешь, то попадёшь в поэта; через левое – в композитора. Как ни крутись, даже если ты и не хочешь, – ты обречён быть талантом. Лично мне жизнь сулила быть знаменитым поэтом, но одна заковыка помешала этому.

Уже в начальных классах я стал сочинять стихи. Плохие ли, хорошие ли – судить не берусь. Сочинил как-то очередные стихи, переписал их на чистый лист и решил послать в “Пионерскую Правду”. Послать- то можно, только сначала кто бы ошибки в них исправил. (Грамотей-то я до сих пор никудышный!) На перемене между уроков шмыгнул в кабинет директора.

–Стихи!.. Это хорошо,– одобрил меня Ким Григорьевич, директор наш.– Стоящее дело! Не всё же баклуши бить целыми днями.– Помолчав немного, читая стихи, добавил,– иди, я проверю ошибки и принесу.

На уроке математики он вошёл в наш класс. Видать Судь-

ба так распорядилась, что речь о моих стихах зашла именно на математике. Перед этим уроком на большой перемене со мной произошёл инцидент, о котором вы узнаете чуть позже.

Как только Ким Григорьевич вошёл в наш класс, у меня где-то под ложечкой сразу похолодело, словно я мороженого переел. Нутром почувствовал,— не ко времени я затеял дело со стихами. Нужно было денёк, другой погодить. Говорить о моих стихах на математике при учителе Иван Михалыче?!? У этого человека не язык, а бритва,— не почувствуешь, как обреет под ноль (хватать, хватать, а ты уже лысый!). Нет, не ко времени я со своими стихами.

—Ребятки,— между тем, обратился к нам Ким Григорьевич. Жестом руки успокоил учеников, давая понять, чтобы мы садились.— Я всегда считал, и буду считать, что вы замечательные люди,— директор наш был слегка романтик. В своих речах любил “подъезжать” издалека.— Не знаю, кто кем из вас станет, но уже сейчас некоторые, сидящие среди вас...— и так далее и тому подобное говорил директор. Прочитал стихи, не называя автора. Сказал по поводу газеты. В классе воцарилась тишина. Иван Михалыч, от удивления уронил на пол деревянный циркуль, глядя на директора не мигающим взглядом. Вскоре ребята оживились, кто-то даже захлопал в ладоши, стали оборачиваться друг на друга, искать глазами, кто бы мог написать стихи. Под одобряющие голоса класса Ким Григорич назвал-таки автора, то есть меня.

Последние слова, будто электрическим током выпрями-

ли сутулую фигуру Ивана Михалыча. Он круто изменился в лице. Подошёл к директору, взял листок со стихами. Он не читал их, а медленно и основательно обнюхивал каждый уголок бумаги, вертел в руках лист и так, и эдак и снова обнюхивал. Поведение учителя математики заворожило ребят. Директор застыл в немой позе.

—Нет!— покачивая отрицательно головой и продолжая обнюхивать лист бумаги, произнёс Иван Михалыч.— Эти стихи...нюxxx- нюxxx... не напечатают... нюxxx-нюxxx... в газете...

Почему?— спохватился директор, забрал у Ивана Михалыча стихи и тоже стал принюхиваться к бумаге в явном недоумении. А учитель математики, как всегда в таких случаях, чтобы не заметили на его лице чудачество, отвернулся к доске, стал рисовать циркулем геометрические фигуры. Мол, моя хата с краю, ничего не знаю,— судите сами.

—Почему?— в недоумении твердил Ким Григорьевич. Ученики, как галчата, рты пораскрывали- ничегошеньки не понимают. Больше всех, конечно, переживал я ... и не только по поводу стихов.

Иван Михалыч, выдержав актёрскую паузу столько, сколько этого требовали обстоятельства, быстро метнулся от доски к столу.

—Да потому, что вот!— он достал из своего портфеля пачку папирос “Север”, со злобой кинул её на журнал. Все, кроме директора, знали, что это моя пачка “Севера”, конфискован-

ная Иван Михалычем только что на перемене. Пачка новенькая, не мятая,— всего одну папироску удалось мне выкурить из неё. Глядя на неё, я глотал слюнки, а учитель математики “резал правду- матку”.— От его стихов за версту несёт куревом.— При этих словах учителя Ким Григорьевич стал тереть руками лицо, как это делают при насморке. Сразу принял сторону учителя, начал поддакивать ему, для убедительности приложился ещё раз носом к листу бумаги. За партой кто-то ехидно хихикнул в кулачок, а Ивану Михалычу того и нужно было. Он продолжал разносить в пух и прах юное дарование, — что ж там в газете дураки что ли сидят...они сразу догадаются, что автор этих стихов(кстати, недурственных) курит с пяти лет...Посмотрите на него! Он же позеленел от табака!...Его в пору засушить под навесом и измельчить на махорку,— и пошло, и поехало! То прямой дорогой, то пересечённой местностью. Укатал математик лирика вдрызг!

Ким Григорьевич был добрее. Старался затушить пожар страстей, приглушить и сгладить тон упрёков. Даже посоветовал всё-таки послать стихи в “Пионерскую Правду”.

—Может, напечатают,— подмигнул он мне.

Правда, однако, оказалась на стороне учителя математики: стихи мои не опубликовали, хотя ответ из газеты пришёл. В нём ничего не говорилось по поводу курения как, впрочем, и о качестве стихов. Витиеватым тоном литсотрудник намекал мне показывать во всём пример другим ребяташкам, к чему, собственно говоря, призывал и Иван Михалыч.

Перечитав письмо, я с детской беззаботностью махнул рукой на поэзию: чему быть, того не миновать! Сложнее получилось с курением: попробуй, брось её, проклятую сигарку! Тянул чертову соску до пятидесяти лет, пока в больнице не просветили язву желудка. Врач сказал: ”Тпруу-уу! Распрягай – приехали”. Вот уже несколько лет не курю. А совсем недавно появился зуд творчества,— под ложечкой стало, так это маленько пошкрябывать. Раньше-то всё на курево, а теперь, на писанину потянуло. Попробовал писать стихи. Курам на смех получаются. Вот что никотин, пакость такая, выделяет! Сгубил мой талант наповал, иссушил на корню. Только что и умею теперь рассказывать побаски наподобие тех, которые вы услышите далее.

Урок немецкого

(Письмо студента брату)

“Колян, привет! Извини, что долго молчал. Есть на то причины. Помнишь, я тебе рассказывал о Сан Саныче, преподавателе немецкого. Ну тот, что всегда “под мухой” ходил. Какая лафа при нём была! Футбол, спиртбол! Не до занятий было. За два года мы забыли даже то, что в школе учили. Двух слов связать не могли. Представляешь, недавно Сан Саныча турнули. Мало того, на его место пригласили чистокровную немку. Она в Дрезденском университете преподавала русский. Хельга Вильямовна Штосс. Занятия ведёт, исключительно на немецком. Злая, как мегера. В параллельной группе на первом уроке двадцать пять двоек поставила. А у нас на занятии был такой прикол,— упадёшь,— не встанешь!

—Кто староста группы?— на своём родном застрочила немка, как из пулемёта. А мы ни бельмеса не понимаем. Попрятали головы, как страусы. Кому охота платить штраф (мы за каждую двойку баксы отстёгиваем)?

Тут Толя Бирман (ты его знаешь, рыжеволосый такой, с большими залысинами и маленькими рачьими глазками на выкате) очухался немного, толк в бок своего соседа Валентина Грищука. Валентин – староста нашей группы. Видел бы ты его – умора. Тщедушный- тщедушный – кожа да кости. Грудь- как у цыпленка коленка,— бей чем хошь, только поти-

хоньку. Одним словом, живой свидетель Хиросим).

Так вот, значит, Толя толк Грищука в бок: "Она спрашивает, кто староста группы".

Валентин робко потянул руку вверх, а затем и сам поднялся:

– "Ихь...", то есть "я" по-немецки.

–Зер гу-утт!– цепким взглядом стрельнула немка на ху-дющего студентика, мол, очень хорошо, а сама намотала на ус, что её вопрос староста разгадал не без помощи соседа.– Что у вас было сегодня на завтрак?– всё также сухо пустила немка вторую очередь. Валентин, естественно, ничегошеньки не понял из её слов. Чтобы не выдать себя, закатил глазки к потолку, будто обдумывает ответ, а сам теребит, теребит за рукав Бирмана, чтобы тот быстрее подсказывал. Толя уже раскрыл, было рот, но немка зыркнула на него и повторила свой вопрос. Валентин услышал знакомое слово "морген", уцепился за него, упрямый хохол, как утопающий за соломинку.

–Морген...утро...утро, – бубнил Грищук, скосив глаза на Толика.

Бирман на то и Бирман,– кого хочешь вокруг пальца обведёт. Прикрыл ладошкой рот так, чтобы немка не видела, стал интенсивно жевать и чавкать. Немка "подсказку" не видит, но слышит, кто-то чавкает. Валентин быстренько сообщил, что от него требуют и выпалил первое попавшееся: "Ихь тринке тее", то есть "я пил чай".

–Зер гу-утт!– поняв, что с ней ведут нечестную игру, немка стала ещё суровее и продолжила “пытать” студента.– Что вы ели вчера в обед?

Валентин услышал знакомое слово “ессен”(есть, кушать), да Бирман успел шепнуть слово “обед”. Грищук, продолжая закатывать глазки к потолку, усиленно пытался вспомнить, что он вчера обедал. Наконец-то вспомнил: украинский борщ, гуляш с гречкой и чай. На радостях набрал полную грудь воздуха, чтобы выпалить ответ, но в последний момент, к ужасу своему, сообразил: он не знает, как сказать по-немецки “украинский борщ и гуляш с гречкой”. Аудитория во главе с немкой замерла в ожидании ответа. Пауза явно затягивалась, да и Валентину уже страсть как хотелось выдохнуть(лёгкие- то у него с твой кулачок будут). Он резко испустил дух и на самом конце издыхания тихо сказал:”Ихь тринке тее”...

Хельга Вильямовна разгадала замешательство Грищука, но, видя, что тот упрямится, как партизан на допросах, решила окончательно “добить” его:

–Что у вас будет на ужин?– выстрелила немка с пулемётной скоростью напоследок. К удивлению своему, Валентин понял вопрос и ... оторопел. Во-первых, последнее время ему не всегда приходилось ужинать,– на какие ши-ши!?! в наше- то время! Во-вторых, как выразить эту мысль на немецком при столь скудных познаниях оного? Это ж целый трактат арийской лексики для нашего студента. Ему ниче-

го не оставалось делать, как вздохнуть и на вздохе пролепетать:”Ихь тринке тее...”

Немка сняла очки, изумлённо глядя на тщедушного Валентина, подалась вся вперёд, чтобы зреть его во весь рост, и чистейшим русским языком сказала:

–То-то я смотрю вы такой доходяга. Немудрено! Весь день на чае...

Мы попадали со смеху.

Ну ладно, Колян, заканчиваю. Времени в обрез: нужно учить немецкий.

Иваныч

На пикете Московской Кольцевой Автомобильной Дороги дежурит капитан Г А И Семён Иваныч Обиралов. Вы не знаете его? Да знаете! Во-о-оо! Мировой мужик. Начальство в нём души не чает, потому как честный до невозможности. Лишней копейки ни- ни- ни! Сколько за смену насшибает... тысячу рублей или там полторы тысячи... тютелька – в тютельку все подсчитает и точно половину отдаст начальнику смены. (Нелишне будет вам знать, что порядок в Г А И железный: попробуй, смухлой, – завтра же будешь охранять Юрия Долгорукова, а там за смену и рубля рваного не сшибёшь.) Точно половину, значит, выложит начальнику смены. Тот- своему начальнику половину. Тот- своему. Так ручеёк становится всё толще и толще, течёт и не пересыхает. Не имеет права пересохнуть: у его истока – сам Обиралов! Иваныч – нескончаемый родник: свежую копейку подбивает, подбивает. Вот уже двадцать пять лет выходит он на большую дорогу с кистенёммм-мм... простите, великодушно, случайно с языка сорвалось. С жезлом выходит! Конечно, с жезлом. Со своей палочкой – выручалочкой.

Дни, как водится, идут ни шатко, ни валко. Шофера, разумеется, нарушают П Д Д. Иваныч их шучит. В этом плане у Иваныча солидный опыт имеется, система отработана. Пришучит какого – ни будь негодника: “Ваш-шши документы”.

Проверяя бумазейки, попутно лекцию прочитает:

– За рулём сидишь! – фраза в его устах звучит, как откровение. – Не только впереди и с боку, на шесть метров под землёй должен видеть. – листая документы, смотрит в глаза провинившемуся, – реагирует ли тот на его замечания. Слова эти Иваныч заучил наизусть в первый день своей службы. Не обветшали, не потёрлись, как новенькие! Верой и правдой служат они Иванычу, как заклинания старику Хоттабычу.

После его магических слов, водитель выглядит кроликом перед удавом: глазёнками хлоп, хлоп, молит о снисхождении. Не глаза, а чистый ручей, – ничего не скрывают. Такие взгляды Иваныч читает без запинки. Иного трусишку так припугнёт, что тот готов последнюю рубаху отдать. До этого, конечно, не доходит. Три шкуры Иваныч не дерёт. Строго следует канонам гаишника: ”Не режь баранов, а стриги!”

Работёнка у Иваныча, надо признаться, – не мёд. С первого дня службы у-ух как трудно копеечка дается. Помнится такой случай. Только взял с водителя двушник (два железных рубля), тут на “канарейке” проверяющий из головного управления подкатывает. Куда деваться? Двушник, зараза, печёт ладонь калёным железом! На пикете оборудован пожарный щит. Под щитом ящик с песком. Кинул Иваныч двушник в песок, придавил сапогом, тем и цел остался. С той поры брал только железными, – ни одна комиссия не докопается. Но однажды с ящиком маленький конфуз приключился.

Смена близилась к концу. Иваныч хотел было уже собирать “урожай” из ящика, пересчитать и половину, как положено, приготовить начальнику смены. Вдруг... Ах, это “вдруг”! Вечно оно нам все карты путает. Вдруг у самого пикета, на перекрёстке происходит авария. Авария пустяшная. Грузовик подрезал иномарку и легонько чиркнул по крылу. Другой бы хозяин иномарки махнул рукой на царапину. Странный народ! Эти владельцы иномарок. Такие жадные до денег! И этот пристал, как пчела до мёда: “Давай составлять протокол”. Какой протокол! Разве Иванычу сейчас до писанины! Успеть бы к приезду начальства сдунуть маленько пыль с железных рублей. Негоже начальству подавать грязные деньги! Оно страшно не любит этого.

Тут из иномарки вылезла женщина и девочка лет пяти с маленьким ведёрком в руках.

–Поиграй здесь,– указала мать дочке на ящик с песком, а сама в будку, намереваясь при необходимости “пустить слезу”.

Выводя в протоколе закорючки, чёрт бы их побрал! Иваныч услышал звон монеты о пустое ведёрко. Он ещё не догадался в чём дело, но его интуиция... О-о-оо! Эта интуиция! У Иваныча она особая. О такой говорят:” Хороший нос за неделю кулак чувствует”.

–Чей ребёнок?– вскрикнул Иваныч.– Ре-бё-нок чей? Уберите!

Всё закончилось тем, что иномарка с лёгкой царапиной

на крыле, с протоколом об аварии и с полным ведёрком железных рублей укатила дальше. Иваныч остался ни с чем,— вроде бы как смену и не работал. А тут начальник на “канарейке” вот он. Заначка у Иваныча всегда при себе

—Молодец, Иваныч! Хорошо работаешь,— шурша о карман купюрами, похвалило начальство и укатило в сторону следующего пикета.

А вы говорите, у гаишников доходное место. Как бы не так! Иногда кровными приходится расплачиваться. Вот так-то вот.

—А как же операция “Чистые руки”?— по простоте душевной спросите вы Иваныча. Не задумываясь, он ответит:

—Мыть нужно обязательно! К чистым рукам деньжонки лучше липнут.

Сказка про белого бычка

(Только не для детей! Боже упаси!)

Жили-были старик со старухой. Не где-то там, ”у самого синего моря” или “в тридевятом царстве”. Нет. Совсем рядом в Тульской области, а может быть даже в Рязанской.

Прошлой весной принесла им бурёнка телочка – ну точь-в-точь из сказки: белый, до того милый, до того пригожий, – всем на загляденье. На выгоне зелёную травку щиплет, спокойно – ни одну курицу или другую какую животину не тронет. А начнёт резвиться и так это ножками чудно и забавно взбрыкнет, что старуха, наблюдая за ним из окна, кончиком фартука смахнёт набежавшую слезу умиления.

–Что ты, старуха?– спросит старик.

–Эт...я так, старик, -промолвит старуха, отводя взгляд в сторону.

Возвратился как – то старик из гаража, пригорюнился, буйную голову повесил.

–Что закручинился, старче?– спрашивает его старуха,– не весел и песен не поёшь.

–Да как же мне не кручиниться, старая,– отвечает ей старик , потупив очи до долу.– Конь мой верный сдыхает... Вот-вот копыто откинёт. На чём ездить буду?

Старуха аж в лице переменялась. Во всей округе ,хоть на двадцать, хоть на пятьдесят километров кинь лошадей дав-

нёхонько она не видала. Какой Конь?!

–Какой! Какой!-взмолился старик.– Да “Москвич” мой сломался, в крестовину его мать!– заругался старик и стал темнее ночи. Начали со старухой думать – гадать, где бы денег достать...на ремонт. В селе сейчас легче прошлогоднего снега добыть, чем взять в займы...

–Пенсия...– заикнулась было старуха.

–Да что там твоей пенсии?! ...На два ржавых болта только и хватит,– резонно возмутился старик и закручинился пуще прежнего. Не оттого закручинился он, что не знал, где взять денег, а потому, что уж больно не хотелось пугать старуху крамольными мыслями. Да и самому уж больно жаль бычка. Пожил-то, бедолага, на свете всего ничего,– не более полгода.

– На панель пойду, а бычка не дам резать!– заупрямилась старуха.

–Пойми, глупая,– делает ей внушение старик,– В двадцать лет, когда я сватался, за тебя дали бы не только на “Москвича”, на новенький “Мерседес”... а сейчас...-старик безнадежно махнул рукой и принялся точить ножик. Два дня старик точит ножик, два дня старуха ревя ревет. Наконец, поняла, старая – иного выхода просто нет. Хоть и жаль телочка, а что сделаешь?

Режут, значит, они бычка (ах, какой был бычок!), везут в Москву продавать. Всё- таки мясо там дороже, рассудил старик, там же купит и запчасти дешевле. Кое-как, с горем

пополам ладит своего “коня” (“Москвича- то”). Пуповиной привязал крестовину к горловине, и ещё одну “хреновину” перетянул “морковиной”. В Японии это назвали бы гибкой технологией, а по-нашенски – на соплях. Ага! Трогаются в путь. Старуха, садясь в машину, ворчит, мол, переться за две сотни верст “киселя хлебать”. На месте бы продали, своим людям, пусть дешевле, зато бычка вспоминали бы дольше. Как – будто чувствовала, старая, что в белокаменной с ними приключится неладное.

Едут они, значит, не спеша, поторапливаются. Ага! Пяти верст не дотянули до Кольцевой дороги, вдруг та “хреновина с морковиной” хрясь! возьми да и лопни, будь она неладна. Остановились на обочине, а старуха и говорит (вот как душа её чуяла):

– Не протухло бы мясо, – а сама уголком платка слезу вытирает. Опять ей, видно, бычок вспомнился.

– Смотри, ещё накаркаешь... в крестовину мать, – заругался старик. Хвать большущий гаечный ключ и... шась под машину... отремонтировать, значит.

А тут недалёко при въезде в Белокаменную на Большой Московской Кольцевой Дороге на “канарейке” (это такая машина с мигалкой) гулял добрый молодец в форме капитана милиции с кистенёммммм... тьфу-у... не так выразился... с жезлом, с полосатой палочкой- выручалочкой. Величали того молодца- Федор Иваныч Обиралов. (Промеж себя его все называли Федя Нос и не без основания). С виду в нём приме-

чательного ничего не было, окромя носа. Длиннющий- длиннющий. Его нос, как говорится, на семерых рос, а одному достался. Такого носа, прямо скажу вам, нигде не сыскать. На два часа опережает своего хозяина, появляясь в нужном месте. Сказать, что Федя родился с таким носом, я не могу, ибо рос он мальчик, как мальчик. Был не в меру любопытен и всё время нос держал по ветру.

А в природе ведь как: некоторые органы животных, например, постоянно растут и видоизменяются. Морские котики, моржи когда-то ходили по земле. Теперь у них ласты. Да что там моржи. Вот, к примеру, наши депутаты. От постоянной болтовни у них так вытянулись языки, что у многих теперь рты не закрывается. Вот и у Феде нос рос и рос. Стал как миноискатель. Да что там миноискатель! Лучше. За смену, бывает, двадцать, а то сорок машин пропустит мимо себя, ни одну не остановит, но на сорок первой (как в воду глядит) отмажется, что надо. И всё благодаря носу. Спрячется с радаром за куст и выжидает. Странное дело: радар ничего не показывает, а нос выловит такую “поклёвку”, что простому смертному гаишнику нужно год вкалывать по три смены. Так, выглядывая из-за куста, нос указал добру молодцу на машину моих героев. Нет, не подумайте, что мясо у них протухло. (Что оно там... ночь пролежало, да полдня ехали, да полдня ремонтировались). Нет, не успело ещё испортиться, но близко к этому.

На Большой Дороге, значит, и свиделись старики с доб-

рым молодцем.

Молодец сразу не понравился старику. Да и старухе тоже. Везде сует свой нос. В салон, в багажник. Давай права качать, придирайтесь.

–Куда путь держим?– и не дожидаясь ответа, приказал разворачивать оглобли обратно,– иногородние машины в город не пропускаем.

–Как так? По какому такому праву?– возмутились старик со старухой.

–Ха- ха! Вот народ! Вы что газет не читаете что ли?– хахакнул добрый молодец и вытащил из-за пазухи газету трёхмесячной давности.

–На время Всемирных Юношеских Олимпийских Игр,– вслух стал читать старик постановление мэрии Москвы,– ограничить въезд в столицу иногороднего транспорта, за исключением транспорта со спец – пропусками и машин с сельхозпродукцией...с сельхозпродукцией,–повторил старик и озадачился, почёсывая затылок, не зная, что делать.

–А мы как раз с сельхозпродукцией,– нашлась старуха что сказать, приподняв простынку, которая прикрывала собою...(язык не поворачивается сказать “мясо”)...прикрывала собою останки телочка. Мухи роем тут же ринулись в салон. Понятно! по какой причине. Завидев насекомых, добрый молодец радостно ухмыльнулся, передёрнув носом, словно курком автомата: ситуэйшен- что вода для рыбы- “клиент” вот-вот “созреет”, нужно только чуть- чуть “до-

жать”. Вдарился тут добрый молодец о землю и... прикинулся “шлангом”:

—А кто вам сказал, что мясо — сельхозпродукт? У нас в Москве многие держат свиней и коз прямо на балконах. Какой же это сельхоз... даже вовсе и нет,— добрый молодец палочкой- выручалочкой нахлобучил фуражку с затылка на глаза и замолчал. Слукавил, конечно, он насчёт сельхозпродукции. Но кто ему судья? На дороге он — царь и бог. Приезжие только что и могут,— как можно щедрее “дыхнуть в карман”.

Для стариков, пожалуй, это был бы самый лучший вариант. Дай они добру молодцу деньжонок “на жисть”, и дело бы с концом. Но старик со старухой были в этом плане не шибко просвещёнными, можно даже сказать интеллигентно — щепетильными. Как дать?(!!!) Удобно ли?(!!!)А вдруг откажется.(!!!) Не возьмёт.(???)Тогда что? Со стыда хоть в землю провались? А потом, где они, деньги- то: за душой ведь ни копейки (с чего бы им завестись,— от сырости???)И наконец! а с какой такой стати они должны давать!? За здорово живешь? Так ведь не напасёшься... и пошло, и поехало. Старик в таких случаях “заводился” с пол-оборота, гораздо лучше своего “Москвича”. И в этот раз “завёлся” старик, как часы. На грех и “искра оказалась на месте, не пропала и не отсырела, и бензопровод не засорился”.

—Ну, “затарактел” дед,— обмолвилась старуха,— теперь не остановишь.

И вправду сел старик на автобус и поехал в Управление ГАИ “резать правду- матку”. А она у нас правда-то где-е?? (в п...е) ...на конце...Кошечкой иглы. Найти её старик не смог, сколько не старался. Пропало мясо. Как говорится, получились пустые хлопоты при поздней дороге. Больше всего жаль телочка. Сгинул ни за что, ни про что. А ведь какой был телочек!! И всё из-за этой скотины!... Вы меня не так поняли. На Федора Иваныча Обиралова я даже перстом не указал, не то что словом обмолвился... Не знаю как вы, а я считаю, что виновник в этой истории - “Москвич”. Нешто может быть иначе? ! Присмотритесь внимательно к буквам его фирмы: “А-З-Л-К”. О чём они говорят? “Автомобиль Заранее Лишённый Качества”.

Господа хорошие из “АЗЛК”! Умоляем: не губите наши-и телячьи души!

Языковой барьер

(случай из практики частного извоза)

Качу я по Рублёвке ни жив, ни мёртв. А тут гаишники подливают масло в огонь: как мне казалось, каждый, при появлении моей машины, судорожно хватался за телефонную трубку. Не иначе, как ведут меня по рации. Где-нибудь в укромном местечке, подальше от свидетелей остановят и крышка. У страха глаза велики! Отчётливо представляю, что ждёт меня впереди и мысленно проклиная дядю Мишу, который сидит со мной рядом. Семидесятилетний старик – татарин – мой компаньон. Всю жизнь проработал таксистом в Москве. Знал её лучше, чем свои пять пальцев. Ушёл на пенсию. Своей машины не имел, а деньжонки на карманные расходы позарез нужны. На Киевском вокзале он прирабатывал, помогая “щипачам” (так называли тогда нас, частныхиков) “пробивать” (подбирать) пассажиров. Делал он это виртуозно: другой за десятку не уговорит, он выщыганит четвертную. Когда я надумал “щипать”, мне посоветовали поработать с ним в паре, пообтереться. Москвы я совершенно не знал, а дядя Миша, наоборот, как у себя на кухне: “тут направо”, “тут налево”, а “тут прямо”. В первом совместном рейсе я не мог сдерживать удивления:

–Дядя Миша! Ты по Москве можешь ездить с закрытыми

глазами!

—А на хрена мне их закрывать,— я и так ничего не вижу.

Он был почти слеп. С трудом видел контуры отдельных зданий. Как ориентировался, выбирая дорогу, понятия не имею. Деньги и те по причине слепоты определял на ощупь. пропустит купюру меж пальцев, как бы разглаживая её.

На Рублёвском шоссе, с чего начал я свой рассказ, мы очутились вот каким образом.

На Киевском вокзале я отлучился всего на минутку. Подхожу, а дядя Миша уже около машины со своей неизменной тростью с инкрустированным набалдашником, в бежевом плаще и шляпе.

—Где ты шляешься? Пассажир опаздывает,— с досадой упрекнул меня старик, пока я возился с ключом зажигания.— Жмём в Шереметьево. Чтобы сократить дорогу, слушай внимательно мои команды,— мух ловить некогда.

Естественно, я — газушку до пола и вперёд. Дорогомиловская... Кутузовский... Выскакиваем на Рублёвское шоссе. К тому времени я уже знал, что это правительственная трасса и на ней под каждым кустом прячется мент.

Я так был занят дорогой, что не обратил внимания, кого мы везём. Только на Рублёвке в зеркале заднего обзора, я увидел нашего пассажира: здоровенный негр небрежно развалился на заднем сидении. Рядом с ним стоял “на попа” такой же большой, как и негр, ярко-оранжевый чемодан (потом дядя Миша объяснит мне, что чемодан не уместился в

багажнике). И огромные губищи негра (величиной с мой кулак), и упрямые кудряшки, и ярко- жёлтый костюм на нём, и ярко-оранжевый чемодан,— всё это гляделось в моём белом “жигулёнке”, как экзотический экспонат на выставке. И это в то время, когда категорически запрещалось возить иностранцев за пределы Москвы. Мой знакомый таксист повёз, как- то двух негров в сторону Калуги. Долго ехать ему не дали: тут же тормознули и вернули, а утром в автопарке у него отобрали ”мотор” и уволили без права работать таксистом. За работу я не переживал, а вот если отнимут машину... Эта мысль даже в голове у меня не умещалась, -настолько страшна была кара для человека, с таким невероятным трудом купившего “жигуля” (специально ездил на Колыму, вкалывал, чтобы купить “одиннадцатую” модель). Грезились и другие “брызги” от это-го рейса: например, “пришьют” что-нибудь из области шпионажа. В те времена “пришить” можно было что угодно. Не просто так,— от имени народа!

Короче, качу по Рублёвке ни жив, ни мёртв. Проклинаю дядю Мишу и прошу Господа Бога: “Если в этот раз пронесёт нелёгкая, то частным извозом заниматься больше не буду. Гори они синим пламенем,— всех денег не заработаешь”. За мыслями незаметно докатили до Шереметьева.”Ну,— думаю,— на трассе “не повязали”,— в порту возьмут,— там что не человек, то Ка-Гэ-Бэшник”. Старик-татарин не ведает, что у меня на душе творится, командует:

—Ближе подъезжай! Ближе! Видишь у него чемодан, какой

тяжёлый. Кати прямо к входу... вон стеклянные двери... с фотоэлементом...

Вижу, недалеко от тех дверей молодчики стоят. "Ну, – думаю, – поджидают". Гладкие, с лоском на щеках, интеллигентного вида. Таких только в КГБ и встретишь. По крайней мере, спутать их с кем-то другими просто невозможно. Увидев мою машину, молодчики толпой кинулись нам наперерез. "Каюк!" – подумал я и мысленно почувствовал холодную сталь наручников.

Пока они бежали, негр проворно вышел из машины. Стеклянные двери проглотили его вместе с чемоданом.

– Уматывайте отсюда! – в один голос закричали нам молодчики. – Сейчас Нигерийская делегация прибудет, – развернуться негде!

Не веря своим ушам, ловлю ногой газушку и до пола её, ржавую, до пола! – на всех парах делаю тягу! Не верится. что пронесло, сам закипаю от злости, набрасываюсь на старика:

– Хрен ты драный! Не заметил, что чернокожий!... надо было хотя бы ощупать его... На голове у него кудряшки, как у барана... понимаешь?...

– Да я всё понимаю, – стал оправдываться старик. – Нешто я чурбан какой! – дядя Миша тряс перед собою бежевым плащом. – Меня в пути так и подмывало накинуть на него плащ, прикрыть маленько черноту.

И от радости, что пронесло, и от последних слов старика на меня наехал неудержимый хохот. Рулить стало невмоготу.

Я- по тормозам. Выскочил из машины, на обочине упал на траву и закатился, аж колёс не видать. Вышел из машины и дядя Миша. Видит, я гогочу, и говорит на полном серьёзе:

– Честное слово я прикрыл бы плащом, будь на его месте русский или наш брат- татарин,– они бы поняли ситуацию. Этот же ни “бе”, ни “ме”, ни “ку-кареку”. Ещё обидится, подумает, что унижаем. Чувствуешь,– расовой дискриминацией пахнет. Это страшнее, чем отобрать машину. Политическая светит! А ты сразу ругаться! Я всё это просчитывал...

– Как же ты его “пробил”, если он по – русски не бельмеса?!– сквозь смех и слёзы спрашиваю старика.

– Иду мимо, он своими губяками шмякает:”Ши-ри-метьева”. Я показал ему три пальца, а сам думаю, трёх десятков достаточно, чтобы сгонять в Шереметьево. Он кивнул головой, согласился, значит. И ведь не обманул,– дядя Миша достал из бокового кармана пиджака три зелёных бумажки.

– Ну, ты даешь, дядя Миша! Это же сотенные! Вот где дискриминация: наших пассажиров возишь за десятки рублей, а негров- за сотни долларов!

– Сотенные?!!– дядя Миша хитро ухмыльнулся, пропуская сквозь пальцы купюры. Доллары на ощупь он не различал.– А кто его заставлял столько давать? Просто он не понял мой жест... насчёт трёх десятков... Языковой барьер, брат! Тут ничего не попишешь.

Честные жулики

Июль месяц. Московский аэропорт Домодедово. Необычная для здешних мест тишина. Самолёты не садятся и не взлетают, – с небес льёт, как из ведра. Изредка какая – ни будь женщина под зонтиком торопливо процокает каблучками. Машины на площади уткнулись носами друг к дружке, томятся в ожидании седоков – пассажиров. “Водилы” частного извоза изнывают от безделья. Одни спят прямо за рулём, другие, кучкуясь группами и разложив в салоне сиденья, “режутся” в карты. Двое молодых парней сидят на заднем сидении красного “жигулёнка” пятой модели, подержанной и ржавой машинёнки. Парня в джинсовой куртке зовут Димой. Второй, с рыжей шевелюрой и в цветастом спортивном костюме прозван Какаду. За рулём машины – её хозяин, мужчина пятидесяти лет, по кличке Квадрат (толстый, что поло-жить, что поставить). Сидят, толкуют “про жисть”, – молодость набирается опыта.

– Был у меня курьёзный случай тут, в Домодедово, – рассказывает Квадрат. Маленькие глазки его сужаются, видно, он что-то вспоминает. – На этом пикете дежурил гаишник один. Капитан. Интересный мужик. В любую погоду: в холод ли, в несусветную жару не снимал с рук краги, кожаные длинные по локоть рукавицы. За поясом – обязательно свежие газеты.

– Зачем?– спрашивает Какаду.

– Крагами и газетами подстраховывал себя. Все мы под Богом ходим. Гаишники- тоже смертные. И на них была управа. Правда, делалось это скорее для отвода глаз, народу пыль в глаза пускали, мол, видите, ловим мздоимцев. Но некоторые, бывало, « залетали». Чтобы не попасть впросак, капитан тот придумал уловку: подходишь к нему отстегнуть за проезд двушник, он снимает с правой руки крагу, держит её левой, как кружку, у пояса; правой, как положено, отдаёт тебе честь. Ты незаметно кидаешь двушник в “кружку”, а он съёт тебе свежую газету. Если вдруг ненароком зацукуют, и при разбирательстве спросят: ”С какой целью подходил водитель, если не отстегнуть двушник? Вы же его не останавливали”. Капитан бы ответил: ”Попросил газету, я ему и дал”.

– Да-а-аа!– тянет Димка, удивляясь.– Хитро мудрый гаишник! Даже если рубли были бы “заряжены”,– с капитана, как с гуся вода – отпечатков на них нет.

– Конечно! Не пойман- не вор,– соглашается Квадрат.– Но, надо отдать ему должное, три шкуры с нас, с “щипачей” не драл. Честный был жулик: если у тебя вдруг бензин кончался (тогда с ним туго было), а пассажиров – тьма-тьмушная,– у него на этот случай сорокалитровая канистра в багажнике “Волги” стояла. Бери, работай. Первый раз я хотел было заплатить ему, а он- кошки в дыбошки: ”Я что бензином торгую что ли?” Обиделся.

– И коню понятно,– встревает в разговор Какаду,-больше

ходок ты делаешь, ему больше отстёжки...

– С этим капитаном у меня произошёл курьёзный случай. ”Пробил” я пассажиров до “Внучки” и трогаюсь в путь. До пикета тут с километр будет.

– Чуть поменьше, – поправляет Димка.

– Может меньше, – соглашается Квадрат. – Из разговора пассажиров узнаю, что они из Магадана. Я ведь пятнадцать лет “дальнобойщиком” Колымскую трассу “утюжил”. Разговорились. Тары-бары, растабары... А про пикет я со-всем забыл. Не видел, что “стакан” проплыл мимо, только услышал, как заверещал свисток гаишника. Неписанный закон обязывал меня, “щипача” остановиться, ещё не доезжая “стакана”, подойти к менту и со словами: ”Как сам?” отстегнуть двушник. А я этого не сделал. Пассажиры заволновались, видя, с какой поспешностью я затормозил, стал сдавать назад. Не объясняя им ничего, сломя голову бегу к “стакану”. Обычно капитан весёлый, а тут надулся, как кот на крупу. Я его таким не видел ни разу.

Не дожидаясь, когда я подбегу, капитан развернулся и пошёл к себе в “стакан”. На улице – удивительная тишина. Слышу капитан уже на пороге, вытирая ноги о половичок, говорит сам с собой, но довольно громко, чтобы я слышал: ”Мужик совсем зажрался. Делаешь всё, чтобы ему было хорошо, а он тебя знать не хочет. Придётся проучить разочек”. Вошёл в “стакан”, сел в вертящееся кресло, достал с полки толстенный журнал, стряхнул с него дохлых мух и, усердно

сдвуд порядочный слой пыли, приготовился писать. Я шагнул через порог, как нашкодивший школьник в кабинет директора. В отличие от школьника, незнающего, что ему грозит, я- то хорошо представлял, если гаишник запишет номер моей машины в этот журнал, мне очень и очень долго придётся “отмываться”, в смысле “отмазываться”.

– Уговорить нельзя было?– спрашивает Какаду,– ты ведь мастер на это.

– Что ты, старик! Капитан стал, как каменная глыба,– с места не сдвинешь. Берёт авторучку, открывает журнал и, не глядя на меня, спрашивает: ”Знаешь ли ты, отрок человеческий, что грозит тебе за недозволенный перевоз пассажиров?” О-о-оо! Я хорошо знал, что мне грозит. Пронеси Господь и помилуй. Тогда это считалось преступлением. Как солдат чеканю: ”На первый случай- штраф тридцать рублей, на второй- лишение водительских прав, на третий- конфискация транспортного средства за использование его в целях наживы”. “Слава Богу, хоть это знаешь,– строго буркнул капитан,– а заповедь вора забыл,– тут голос его потёк елеем,– украл- поделись с ближним своим, не жадничай. Ты не делишься,– вот и расхлёбывай. На первый случай гони тридцатник”. Я рад-радёшенек, достаю четвертную и пятёрку, отдаю ему, благодарю Господа, что в журнал меня не записал. Чёрт с ней, с тридцаткой, хотя пассажиров я “пробил” всего за сороковник. Остаётся десятка. Это всё равно что “конём” сходил во “Внучку”, то есть пустым. Сделал круг “Де-

дово-Внучка- Дедово”, опять “пробил” пассажиров, у пикета останавливаюсь, иду в “стакан”, чтобы отстегнуть за проезд. На дворе уже рассвело и птички во всю наяривают. Капитан весело встречает, как родного. Отмахнулся от предложенного мною двушника, достал из кармана мою тридцатку. Разделил деньги: себе взял пятёрку, мне протянул четвертак: ”Вижу, ты честный жулик, а потому возвращаю тобой заработанные “бабульки”. Урок мой пойдёт тебе на пользу. Запомни, сынок: у нас сажают в тюрьму не за то, что человек ворует, а за то, что не умеет воровать. Вот я и поучил тебя маленько”.

Квадрат умолк, а дождь продолжал лить, словно нанялся-только пузыри по лужам. Ну и жизнь!..

Ещё раз о теще

(Не к 8-му МАРТА будет сказано)

Мужчины-холостяки, трепещите и завидуйте! Вы не знаете, что такое тёща. О-о-о! Какое блаженство, когда рядом... её нету! А впрочем, тёща в моём рассказе не главный герой, а как бы свидетель происшедшего. Молодым мужьям спешу дать ценный совет: хорошо! даже очень хорошо, когда тёща попросит Вас отвезти её куда-нибудь... подальше... на вокзал, например. Она пообещает заправить Вашу машину 95-м бензином. Не верьте этому, – она тут же сошлётся на склероз, причём преподнесёт это так, будто склероз у Вас, а не у неё. Не жадничайте. Купите ей за четыре тысячи путёвку в санаторий, и пусть она катится к... едрёне фене.

Вы уже догадались, о чём пойдёт речь? Ну, и славненько! Действительно, мы с женой с огромным скрипом собрали четыре тысячи и купили теще путёвку.

Поезд отходил с Курского вокзала на рассвете. (Мы живём за городом).

Мой «жигулёнок», прослышав, что его хотят заправить 95-м бензином, рванул с места так, что колёс не видать. Газушка аж наружу высунулась сквозь ржавый пол. Дыма из выхлопной трубы совершенно не видно. И это на 92-то бензине! Одним словом, не еду, а лечу «на крыльях счастья завтрашнего дня».

Вдруг вижу в придорожных кустах «канарейку» (милицейская машина с мигалкой). На её капоте прикреплён радар. Мне и в голову не приходило, что в столь ранний час какой-то дурак выйдет пастись на асфальте. Но капитан ГАИ не был дураком. Уловив радаром полёт моего «мустанга», он рванулся из салона «канарейки», споткнулся обо что-то, распластался на пыльной траве, чуть не проглотив свисток. Лёжа заверещал консервной банкой по асфальту.

Я по тормозам. У тётце глаза стали квадратными.

—Что случилось? Что ему нужно?

—Щас узнаем,— сказал я и пошёл к «канарейке». Капитан усердно сбивал фирменной фуражкой пыль с брючин и с гимнастёрки. Затем слегка присел, правильнее сказать, облокотился задом о крыло машины.

—И куда это мы так торопимся, что колёс не видать?— вопрос естественный и не риторический, если учесть, что я, как угорелый, нёсся за сто с лишком км, хотя все знаки во круг разрешали только 60км.

—Понимаешь,— заблеял я бедным барашком.— Тёщу везу на вокзал... опаздываем к поезду.

Гаишник продолжал сидеть на крыле, положив ногу на ногу. Он спокойно ковырял ногтем мизинца в зубах, внимательно рассматривал содержимое под ногтем, и тут же вытирал его о штанину, и снова ковырял. В общем, был сильно занят. Такое впечатление, как будто он у себя на кухне, а меня рядом и в помине нет.

Я кашлянул в кулачок(тороплюсь же, Боже мой, неужели не понятно!)Кашлянул второй раз. Наконец, капитан раскрыл мои водительские права. Они ему нужны были явно до фонаря, потому как держал их вверх ногами, а сам смотрел куда-то вдаль.

–Ну, так что. Будем спешить или как? Подождём девяти часов, когда откроется сбербанк, чтобы заплатить штраф?

–Понимаете, опаздываем к поезду,– бубнил я одно и тоже. Другие слова не шли на ум.

–Опоздываете??– картинно спрашивает меня капитан.– Ну, так спешите, торопитесь, а то и вправду опоздаете!– не даёт мне рта открыть капитан, а удостоверение не возвращает.– Не вижу, чтобы Вы спешили.

Тут меня осенило. Как в том анекдоте: «Намёк поняла, но не знаю, что такое беседа». Достая кошелёк. В нём у меня последняя сотенная бумажка лежала. Гаишник выпрямился и замер, как рыбак во время клёва. Робко потянул я сотенную купюру и тут же вспомнил, что у гаишников, как и у попа, сдачи не бывает. Я задёргался. Сотню жалко отдавать,– а жить на что? Задёргался и хотел, было бежать к машине, чтобы у тёщи взять помельче деньги.

Капитан остановил меня, дружески обняв за плечи.

–Милочка, стоит ли старого человека беспокоить, расстраивать,– свободной рукой капитан спокойно взял мою сторублёвку и положил себе в карман.– А потом,– он постучал пальцем по циферблату своих часов,– время-яя! Ты же опаз-

дываешь. Гони, что есть духу! Гони, милоч, гони! Теперь тебя уже никто не остановит. Сдачу?— он сделал обиженную мину,— Ты ж у меня первый клиент. Были бы деньги, разве я здесь стоял бы в такую рань. А потом, али последний раз видимся?! При случае отдам.

—Чё так долго?— сверкнула треугольными глазами тёща.— Опаздываем же!!

—Часы у него остановились, сверялись по моим,— соврал я, Скажи ей всю правду, она за мою сторублёвку удавилась бы на месте. Жалко... всё-таки четыре тысячи за путёвку...
... как кабелю под хвост.

Обратно еле доехал до дома. Конёк мой закапризничал,— стал чихать, икнул пару раз, чхнул и из выхлопной трубы чёрный дым повалил гужом. Уже дома я вздохнул полной грудью. Во-первых, гаишники меня не остановили,— у них как раз пересмена проходила. А во-вторых, тёщу сбагрил! Какое удовольствие!!! ...Большие затраты??! Так за удовольствие надо платить. А как вы думали?!! Вот так-то вот, мужички. Привет Вашим тёщам, а я месяц кайфовать буду!

Обмишурился

Первая охота, как первая любовь, неповторима и незабываема. В Магадан я приехал в двадцать семь лет. Колыма не скупилась, щедро дарила свои богатства: ягод и грибов столько, что вообразить трудно, весь мир можно было ими накормить. В магазинах не хватало только птичьего молока. Я застал то время, когда красную икру давали в довесок к питьевому спирту.

Но больше всего меня обрадовали “подъёмные”. К деньжонкам, что мы привезли с собой, добавилась довольно кругленькая сумма, которой нам до селе не приходилось держать в руках, не то, что получать. Всю наличность мы сложили и честно поделили между собой: жена свою половину тратила на обустройство семьи, я всё до копейки пустил на охоту.

Как сейчас помню последнее воскресенье августа. Часов в девять утра, как новенький червонец (всё аж хрустит!), вышел из дома в охотничьих доспехах. Лётная куртка меховая, болотные сапоги с отворотами, стёганные брюки на помочах. Но главное – за плечом тулка-курковка шестнадцатого калибра. Так хотелось быстрее уединиться, скрыться за лесок, приложить её к плечу и хотя бы прицелиться. С детства мечтал об охоте, а ружьё заимел почти в тридцать.

Вот и последний дом посёлка, двухэтажное мужское об-

щежитие. В открытую форточку второго этажа кто-то выставил магнитофон, разнося по округе хриплый голос Высоцкого. Северяне обожали Высоцкого, особенно мы, только что приехавшие на Колыму за “запахом” тайги. Каждый принимал на свой счёт слова Владимира: “Мой друг уехал в Магадан, снимите шляпу!”, хотя, конечно же, мы не были его друзьями. Лично я его мог слушать часами, но в данный момент, когда я искал встречи с одиночеством, голос Высоцкого вызывал досаду. Казалось, вместе с голосом за мной неотступно следуют чьи-то глаза, и мне уж не придётся по-детски наедине порадоваться своей сбывшейся мечтой.

Миновал пустырь, а песня всё слышна, вошёл в лесок, углубился в него, только тогда мелодия преследовавшая меня, отступила на второй план. Здесь была необыкновенная тишина, словно очутился в другом мире: ни машинного гула, ни стука забиваемых строителями бетонных свай, ни того мирского гомона, что неотступно следует за нами в городе или посёлке. Изредка только засвиристит маленькая пташка или застрекочет в траве кузнечик, и всё снова замрёт. Берёзы, тополя, осины уже с пожелтевшими листьями понуро и обречёно ждали осенних неурядиц, когда закружат сумасшедшие ветры, захлещут дожди со снегом и время дня и ночи для деревьев будет одинаково безрадостным. Сейчас ещё тепло, сухо и можно, хотя бы несколько дней спокойно постоять, забыться, вспоминая о весне и лете, пролетевших так незаметно. Грусть деревьев незаметно перелилась в ме-

ня, и не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: охота-это не только ружьё с его курками и сизым дымом.

Именно за этим леском постоянно слышалась “канонада”: только приду с работы домой, сяду ужинать, а в открытую форточку с этих мест доносится “ба-бах, ба-бах”.

Лесок кончился, передо мною открылась большая низина, покрытая местами небольшими островками тальника. Низина тянулась далеко на север и терялась на горизонте, соприкасаясь с темнеющим лесом. Справа змейкой вился ручей. Ему, очевидно, страсть как не хотелось бежать на север. Он не раз и не два делал попытку течь в обратном направлении, но какая-то неведомая сила поворачивала его вспять и заставляла исчезнуть за горизонтом.

В центре и с права низина пестрела небольшими озёрками. Их я решил дотошно обследовать. То, что не слышно и не видно охотников, мне и горюшка мало. Невдомёк, что днём утку так же трудно найти, как иголку в стоге сена. Возможно, она рядом жирует, затаясь в осоке, меж болотных кочек. Может пулей выскочить из-под ног, метнуться вверх и тут же камнем упасть в низину. Не то что ружьё вскинуть, глазом не успеешь моргнуть, а её уже и след простыл. Тогда я об этом ничего не знал, да и знать не мог. Шёл на охоту, что в магазин: набью сколько нужно дичи – и ешь не хочу.

Крался к каждой воде, к каждой лужице, прятался за кусты, в высокой траве. Иногда на цыпочках, иногда на коленях передвигался, благо болотные сапоги давали такую воз-

возможность. На полусогнутых “бороздил” меж кочек у десятка озёр- и всё напрасно. Отдыхая на сухом островке, я не на шутку засомневался в том, что охота на Колыме “до отвала”, как убеждали меня приятели, провожавшие в Магадан. “Но ведь стреляют, -успокаивал я себя, – сам же слышал через форточку”. (Правда, вечерами, но я этому не придавал значения.) Передохнув маленько, вновь стал “утюжить” кочки. Одно озеро, второе, третье. На четвертом – о чудо! – метрах в ста от меня на серебрянной глади, напоминавшей до блеска вычищенную сковородку, в углу усыночка около осоки сидели четыре большие утки. Рядом пятая, поменьше этих, метрах в трёх от них. Она как-то неестественно тянула вверх головку, с интересом смотрела на своих больших сородичей и всем видом своим будто говорила: ”Возьмите в компанию.”

При виде птиц мои ноги в коленях подкосились, и я приземлился на кочку. Сердце, как у загнанного зайца, того и гляди выскочит. Душа с телом расстаётся: до того велико желание “добыть”. А руки, будто я в лихорадке, ходуном ходят. Решил успокоить себя, делая глубокие и редкие вдохи, но выдыхаю тихонечко, – не спугнуть бы птицу. Заодно в уме стал прикидывать, как бы так обстряпать дело, чтобы подстрелить всех уток. Всех никак не получалось. Маленькая далековато сидела, и по ней могу “мазануть”. Утихомирил свою жадность: думаю, четырёх нашей семье на первый случай достаточно. Маленькую уточку я решил не лишать

жизни - пусть ещё подрастёт. Больших вполне хватит. Мне, жене и сыну по утке. Четвёртой можно угостить соседа или кого-нибудь на работе. Я вообще-то парень-рубашка. А чего жмотничать? Авось не платил, добыл, считай даром.

Я приподнялся, посмотрел, не спугнул ли птицу каким неосторожным действием. Нет, слава Богу, утки сидят на месте. Теперь надо незаметно подползти, подкрасться на выстрел. Казалось, сама судьба мягко стелила мне дорожку: трава и кусты до озера высокие, можно на корточках передвигаться и быть незамеченным. Метров тридцать, сорок преодолел я не без труда, остановился перевести дух. Трава и кусты перед водой заметно поредели, так что легко просматривался противоположный берег. На той стороне озера, на взгорье в землю вкопан салон от старого автобуса. К озеру обращены два окна-глаза. Один глаз застеклён, другой заслонён то ли грязной фанерой, то ли оргалитом. В целом охотничье укрытие походило на голову адмирала Нельсона: один глаз перетянут тёмной повязкой. Я взвёл курки, начал медленно подниматься, приладив должным образом ружьё к плечу. Руки и ноги подло тряслись, отчего конец ствола с мушкой рисовал в воздухе такую восьмёрку, что описать невозможно. Наконец подвёл мушку под цель, замер и... "бабах" с правого. Дробь легла в "кучу" ниже уток, подняв гребнем волну. Ближняя утка опрокинулась на спину, блеснув тёмным брюшком на солнце. Остальные недовольно закачались на взбесившейся волне. Пока утки не упорхнули, по-

спешно целюсь вторично... Тут скрипнул перевязанный глаз Нельсона: оргалит отслонился. Из окна высунулась заспанная борода. “Мужик! Ты чего, офанарел что ли? По резиновым манкам лупишь...”

Только теперь я понял, что утки эти резиновые. А маленькая уточка никогда не вырастет, ибо она не что иное, как выпиленный неаккуратным образом из фанеры профиль чирка.

Выстрелом напуганный бекас взмыл высоко-высоко в небо. Там, натянув в струнку крылья, камнем упал вниз, издавая при этом звуки, похожие на ржание молодого жеребчика: иго-го-го-го. Казалось, сама природа смеялась надо мной.

Одни любезности

До Нового Года оставалось пять часов. Иван Иванович с Василь Василичем решили прогуляться, а вернее сказать, жёны их выперли из дому, чтобы не наклюкались раньше времени.

С неба падал снег большими хлопьями. Дышалось легко и... Одним словом погода так и шептала: «Займи, да выпей!», что и сделали друзья. Пропустили в парке по одной, по второй. Настроение сразу, – будто они на седьмом небе.

–Махнём по городу на такси?!– предложил Иван Иванович.

–Махнём!

На стоянке – машин шаром покати. Ждать, пождать, – нету.

–Курносая!– бесцеремонно подошёл к диспетчерской будке Иван Иванович. – Как насчёт мотора?

–Пять машин всего по городу, остальные на вокзале, приезжих обслуживают.

–А может быть мы тоже приезжие, – кокетливо возгордился Иван Иванович.

–Ничем не могу помочь. Ждите, когда освободятся машины.

–Закажите в автопарке, – не отступал тот.

–И в парке ничего нет.

–«Ничего» у меня в карманах надоело, – голос Ивана Ивановича стал терять равновесие. – А Вы вот заказывайте, зака-

зывают, — уже в приказном порядке требовал он.

— Прикажите своей жене, — отмахнулась девушка. — Вы для меня никто.

Мимо, явно не торопясь, прошёл огромного роста сержант милиции, прислушиваясь к разговору, остановился у городской доски объявлений.

— Как никто?! — не унимался Иван Иванович, почти просунув голову в окошечко.

— Не раздувай кадило, Ванюша, — почувствовал в подошедшем сержанте неладное, шепнул приятелю Василь Василич, но куда там. Иван Иванович, уткнувшись в окошечко, не видит стража порядка, гнёт свою линию.

— Я требую... Вы на работе... работайте, а нет, так в шею таких работников.

Вот из-за поворота вынырнуло такси, подмигивая зелёным глазом, как захмелевшая вдова на именинах, мол, не занята. Приятели заспешили к машине, сели на заднее сидение. Подошёл и сержант, сел впереди.

— В горотдел, — сказал он, когда машина рванула с места.

— Извините, такси мы заняли, — возразил Иван Иванович.

— Вы, вы, — усмехнулся милиционер.

Пока друзья переглядывались, не понимая в чём дело, такси скрипнуло тормозами во дворе горотдела.

— Прайдёмти! — предложил сержант.

— Да какое Вы имеете право, — взорвался Иван Иванович.

— А я гварю прайдёмти! — сержант взял слегка Ивана Ива-

ныча за локоть.— А Вы можете идти,— бросил на ходу страж порядка Василь Василичу.

—А как же Ивв-вв-ва...— было заикнулся тот.

—Хочете в месте с ним? Места обоим хватит.

Василь Василича как ветром сдуло.

Иван Иваныч, стоя рядом с «обезьянником», доказывал правоту:

«Да я...да мы...»

—Он пьян,— по одному запаху заключила экспертиза.

...Время близилось к полуночи. Иван Иваныч зуб на зуб не попадал, не столько от холода бетонной клетушки, сколько от душевной обиды на себя самого, на сержанта, да и на Василь Василича: «Хорош гусь, чуть что,— сразу в кусты». Часто дробя зубами, он хотел напеть какую-то мелодию, но она ему не давалась.

—Чего там мурлычешь?!— поинтересовался дежурный старшина.

—Вот и встретил Новый Год!— заключил Иван Иваныч, приблизивши голову к решётке.— Жена теперь нервничает, да и на работе сраму не оберёшься.

—А ты где работаешь?— поинтересовался старшина.

—В музыкальной школе.

—В музыкальной школе,— протянул дежурный, прикинул что-то в уме, гремя ключами, открыл «обезьянник»— иди сюда, здесь теплее.

Закурили, разговорились.

–Конечно, сержант переборщил.– начал старшина.– Надо было штрафануть Вас, и вся недолга. Но вы пререкались. Кого зло не возьмёт?! Пьяный, да ещё куражится.

–Я и выпил-то всего двести грамм.

–Ошибки у всех бывают, продолжал старшина.– Вот, например, в вашей музыкальной школе. Третий год пытаюсь устроить сына учиться на баяне. Говорят, нет слуха. При чём тут слух. Медведей учат ездить на мотоцикле. А почему ж пацана не научить играть «Распрягите, хлопцы, коней». Я бы вот завтра пришёл с работы, хряпнул пару стаканов, посадил бы Бориску с баяном на стул и давай: «Распрягите, хлопцы, коней!»– затянул старшина на полном серьёзе, голосищем, как у церковного дьякона.

–Оно конечно так. Все ошибаются,– согласился Иван Иванович со старшиной, когда тот закончил попевку.– Танюша теперь вся изволновалась,– тяжело вздохнул он.

–Да, дела незавидные,– старшина почесал затылок,– Вы на экзаменах-то бываете?

–Ну, а как же,– поспешил Иван Иванович.– В прошлом году был председателем комиссии. Может и в этом...– он осёкся, потому как с подмоченной репутацией нечего рассчитывать на что-то.

–Что ж. Придётся помочь,– перебил его старшина.– Так и быть платите штраф, и до дому, пока калачи горячи.

Иван Иванович отдал н-ную сумму, призадумался вслух:

–Автобусы к нам уже не ходят. Как же мне добраться до

дому?

–Матвейч!– крикнул кому-то старшина, приоткрыв коридорную дверь.– Побудь ка за меня, я мигом.

...Мотоцикл вырвался на просторную улицу. По сторонам мелькали празднично освещённые окна домов. Холодный ветер рвал полы пальто, пронося мимо ушей Ивана Иваныча обрывки фраз старшины о том, что пора уже переходить на всеобщее и полное музыкальное образование, условия для этого есть. Иван же Иваныч, прильнув к тёплому телу старшины, думал о Василь Василиче: «Ну и гусь. Чуть что, в кусты».

У четырёхэтажного дома Иван Иваныч бодро соскочил с мотоцикла и заспешил к подъезду.

–Может запишите фамилию моего сына,– предложил милиционер.

–Ни в коем разе,– отрезал уходивший Иван Иваныч,– и не подумаю.

–Какой неблагодарный,– попрекнул старшина,– отпустил его, привёз домой, а он на тебе!

–Вы же сами сказали, что сержант неправ, а штраф я уплатил.

–Я ведь могу в местком написать,– пригрозил милиционер.

–Пишите,– сказал Иван Иваныч, думая про себя: «Авось председатель месткома- я, разберусь что к чему»,– и скрылся в подъезде.

Письмо на тот свет

(Памфлет об одном научном открытии)

МИХАИЛУ ЕВГРАФОВИЧУ САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИ-

НУ,

УСОПШЕМУ В ПОЗАПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ.

К О П И Я: САМОМУ ГОСПОДУ БОГУ.

«Дорогой земелюшка, многоуважаемый Михаил Евграфович! Российские мужики просили меня потолковать с Вами об одном Вашем научном открытии. О каком открытии? Ну, как же. Вспомните свой знаменитый труд «О том, как один мужик двух генералов прокормил». В нём Вы описываете, как на каком-то необитаемом острове нашли две особи (впоследствии названными Вами генералами) и посадили их мужику на шею. Пржевальский, в отличие от Вас, открыл всего только одну лошадь, но от этой скотины нет никакого вреда. От особей, открытых Вами, нам, российским мужикам совсем житья не стало. Посмотрите, сколько их в тюрьмах сидят! Честно признаться, в нашем колхозе (имеется ввиду бывший колхоз «Дай Бог терпения») картошку и ту реже сажали. Генералов судят по одному и пачками. Скоро, поговаривают, их будут сажать, как при Хрущёве кукурузу, квадратно гнездовым способом. Сейчас под следстви-

ем находятся несколько Вами открытых особей. Одна особь умудрилась хапнуть несколько десятков миллионов долларов. Вам такое и в гробу не приснится!

Открытые Вами генералы в количественном измерении превзошли все ожидания: множатся, как инфузории-туфельки. Только в одной Госдуме от их лампасов рябит в глазах.

В качественном же измерении никакого движения не наблюдается. Головы у генералов до сих пор пусты. Вы, прямо скажу, счастливчик! Во время своих опытов (книга «История одного города») имели честь наблюдать голову, фаршированную трюфелями. Как чудо природы, такая голова встречается крайне редко, – раз в сто лет. Мы, смертные сто лет не протягиваем, от того такие головы и не видим. В основном встречаем пустые головы, а по большей части порождение.

К примеру, в 1993 году один генерал – матершинник возмнил себя самым умным. Как сказал бы Ваш современник, у генерала от радости в зобу дыханье спёрло, и он в свою очередь спёр титул президента России. Мало того, у матершинника появилось огромное желание до кровопролитиев. Он стал собирать ополченцев и приказал штурмовать Мэрию и Останкинскую телестудию. В результате несколько сотен убиенных.

В своём труде Вы очень правильно сказали (цитирую): «... голова, вследствие присыхания мозгов (от ненужности их в употреблении) перешла в зачаточное состояние. После то-

го... удалось... положить начало целой особи короткоголовых (микрокефалов), которые существуют и доднесь».

Сушая правда, существуют. Один такой микрокефал, генеральный из всех генералов, пообещал в течение месяца скрутить в бараний рог всех непослушных на Кавказе. Раздухарился и целых два года крутил, но неизвестно что, а потом выяснилось, – рога-то ему обломали. Теперь ходит комолым.

А его друг по службе, расставил в селе Первомайском тридцать восемь снайперов-наблюдателей, и сам с ними вместе следил, как террористы бежали из окружения босиком по снегу.

–Никогда не видел,– признался микрокефал,– чтобы по снегу босиком тащили раненных подельников и заложников.

Вот пустая голова! Даже не догадался снять с себя сапоги и отдать бедным убивателям,– ведь они могли и насморк получить.

Вот такие наши генералы, вернее особи, открытые Вами некогда.

А нельзя ли к чертям собачьим загнать обратно на остров и совсем закрыть Ваше открытие. Ведь дело табак, дорогой земелюшка! Нужно что-то делать. Вы теперь ближе к Богу. Зайдите к нему, посидите, покумекайте вместе, как нам пособить. Хорошо бы с бутылочкой! Послать Вам таковую не могу, потому как у нас теперь продают такую «морилку», что керосин из Вашей лампы, при которой Вы делали своё от-

крытие, намного лучше нашей водяры.

Остаюсь с земным поклоном мужик российский.

1993-2000 годы.

Сдвиг по фазе

(Сценка с трагическим финалом)

Подмосковье. Трёхэтажный особняк, отделанный жёлтым облицовочным кирпичом. В углу приусадебного участка двухуровневый гараж с мансардой из такого же кирпича. Деревья на участке посажены в спешке, как Бог на душу положил: яблони рядом с туей и облепихой, тополь около сливы. Но всё ухожено, чисто.

На скамейке под окном особняка сидит мужчина лет пятидесяти, одетый в рабочую спецовку. Лицо его круглое и плоское, как блин, усыпано лёгкой рыжей растительностью. Из приоткрытого рта торчат редкие, но крепкие зубы. Прищемив нижнюю губу и сильно скривив лицо, пытается развязать ими леску на удочке. Кряхтит, пыжится, словно тащит непосильную ношу.

– Кирилыч, – доносится из окна женский скрипучий голос. – Милок, пошуруди антенну. Опять по экрану плывёт какая-то рябь.

Кирилыч идёт к противоположному углу дома, по металлической лестнице поднимается на уровень третьего этажа, рукой тербит антенный кабель. Возвращаясь к скамейке, спрашивает:

– Ну как, Татьяна Васильевна? Лучше стало?

–Ни капельки,– скрипит недовольный голос из окна.

–Тут дело не в антенне,– оправдывается Кирилыч,– перекос по фазам. Вот и скачет напряжение,– мужчина садится на скамейку, принимается за свои удочки. Тишина кругом, как на кладбище. Мимо дома по тротуару проходит мужчина с тяжёлыми сумками.

–Мил человек,– обращается к прохожему Кирилыч.– Закурить не найдётся.

Тот останавливается, ставит сумки на траву. Достает платок, вытирает потное лицо и шею, осматривает Кирилыча. Достает пачку «Примы», угощает Кирилыча.

–Твой особняк или в прислугах?– спрашивает незнакомец.

–Это при царе называлось в прислугах,– нехотя отвечает Кирилыч, делая первую затяжку, пускает изо рта кольца сизого дыма, сопровождает каждую взглядом,– теперь это называется – прикомандированный.

–Как это?

–Я работаю в АО «Высоковольтные сети»,– начал свой рассказ Кирилыч.– Нашего начальника Семёна Палыча кондрашка хватила. Такой был мужик пробивной, энергичный, а теперь вон лежит в зале на диване бревно бревном. Руки ноги не шевелятся, язык отнялся. Мычит, да только пузыри пускает изо рта.

–Во как жизнь коверкает людей,– качает сокрушённо головой незнакомец,– от чего ж его так шибануло?

—А кто ж его знает,— тянет слова Кирилыч, явно не торопя разговор, что бы успеть «стрельнуть» ещё сигарету.— Одни говорят, что из правительства кто-то позвонил по поводу повышения тарифов, мол, в «Матросской тишине» освободились места.— Кирилыч тянет в себя сизый дым и продолжает.— Другие поговаривают, что слишком много коньяка пил и ни грамма не закусывал. Какой же организм выдержит такой перекося?

—Сдвиг по фазе!— вставил незнакомец.

Из открытого окна слышится:

—Кирилыч, пора кормить.

Собеседники расходятся. Кирилыч на какое время уходит в дом, а вернувшись вновь берётся за рыбацкие снасти. Скоро приедут сослуживцы Семёна Палыча. Просили организовать рыбалку.

—Червей не забудь накопать,— напутствует Кирилыча женский голос из окна. Кирилыч берёт лопату, пустую консервную банку, идет в поисках червей. Копают у забора. Нет червей.

—Вот дожились! Червяка днём с огнём не сыщешь.

—Копай вот там в углу у сарая,— подсказывает из окна женский голос.— Да, да вот тут. Строители всегда тут копали.

Семён Палыч, до селе лежавший тихо и смирно, вдруг начинает выражать недовольство: ужом извивается на диване, кряхтит, мычит, вроде бы не согласен с тем, что чужой человек ходит по его участку и хозяйничает.

Кирилыч капаёт в указанном месте, и лопата натывается на какой-то предмет. Кирилыч выковыривает из земли целлофановый пакет. В нём металлическая банка из под кофе «Нескафе», плотно закрытая и ещё одним пакетом обернутая.

–Какой-то клад нашёл,– Кирилыч разворачивает свёрток и открывает банку.

Семён Палыч на диване места себе не находит.

Открывается калитка, заходят сослуживцы Семёна Палыча.

Кирилыч идёт по саду, достаёт содержимое банки и комментирует:

–Книжка члена КПСС... книжка члена ЛДПР... книжка члена «Народовластия»...

Ну что тут скажешь?! Темнота! Ведь ещё великий Чехов говорил: «Люди, будьте чуть-чуть лучше». Не подумал Кирилыч. Перечисляя членские книжки Семёна Палыча, он фактически зачитал ему смертный приговор.

Такой стыдобы Семён Палыч не выдержал, отдал Богу душу и копытца откинул в сторону.

1997г.

Мастера! Тудыт вашу мать

Сдался мне этот «Евроныюз»! Жвачка и жвачка! У них, на Западе, что не возьми,— всё жвачка. Колбасу ешь,— жвачка жвачкой, только пена во рту прибавляется. Так и «Евроныюз»: мусолят сутками одни и те же новости. Но всё-таки иногда хочется послушать голос «врага», радеющего за мою судьбу и всей душой желающего мне только счастья, особенно в свете сегодняшних событий.

Как-то мой телек почему-то стал совсем плохо казать этот «Евроныюз», а звук совсем пропал. Решил вызвать мастеров, поправить дело. Дал объявление в местную газету. На утро звонок в дверь. Два молодых симпатичных парня с инструментальными ящичками в руках в униформе нарисовались, как в сказке: «Стань передо мной, как лист перед травой».. Такие обходительные, вежливые, даже обувь начали было снимать в коридоре. Я их остановил.

-К чему эти церемонии,— много ли той грязи на обуви.

Посмотрели они телевизор, пощёлкали каналами.

-Дело в антенне,— сказал вихрастый парень, скорее всего старший среди них.— Полезу на чердак. Петро, а ты мне по

телефону...

Мастер, значит, полез на крышу пятиэтажки. Оттуда звонит помощнику:

-Петро! Ты слышишь меня?— тот отвечает,— Слышу, но очень плохо... Что ты говоришь?... Не понимаю... Чего крутить?... Какую головку?...

Рыжий Малый говорит мне:

-Отец, давай откроем окно, может быть так лучше будет слышно.

Чего ж не открыть. Открыли окно, но и это не помогло. Мастера, что на крыше, плохо слышно, как будто он шепчет, а не говорит.. Опять Рыжий Малый обращается ко мне:

-Одному надо стоять внизу под окном и передавать слова Мастера. Я бы пошёл, но тут надо крутить отвёрткой головки

Короче говоря, чтобы наладить нормальную связь и слышать Мастера на крыше, сделали они из меня ретранслятор. Довольно долго я транслировал команды Мастера, и обратную информацию от помощника. Даже охрип маленько и продрог на ветру. Тут из окна помощник Мастера крик-

нул, чтобы я поднимался, а Мастер пусть спускается. В комнате, значит, встретились все трое. Помощник и говорит, что, мол, тут нужен какой-то трансплитатор, который в единственном экземпляре на всю мастерскую и сегодня им воспользоваться нет возможности,— занят другими мастерами. Короче, ребята пообещали прийти завтра и сделать. Я по простоте душевной хотел предложить им денег,— как никак всё-таки хоть что-то заработали, но Мастер сухо, даже раздражённо сказал, как отрезал:

-Завтра! Завтра, отец.— И тут же они ушли.

Завтра я прождал их весь день. Нету. Ну, думаю, этот чертов трансплитатор, никак не могут взять. Прошёл ещё день. Потом и вся неделя, а их нет. Их адреса и телефона у меня нет. У кого спросить?!?! Тут я стал допетривать: «А те ли Мастера у меня были?» Я бегом к телевизору, над ним полка с книгами. В десятом томике Л.Н. Толстого я хранил деньги на похороны, всё откладывал, откладывал. Денежки те «тю-тю», корова языком слизала. Ну, Мастера! Где же, интересно знать, их учат этому?!?!

Неудачник

Шофёр-дальнобойщик Антон Краснов бюллетенил уже вторую неделю. Он лежал в зале на диване. Здоровенный верзила, чуть поменьше шкафа. Руки, как маховики с двухпудовыми гирями – бицепсами. В огромном кулачище градусник казался спичкой. Температура под тридцать девять. Как все люди широкой кости он по натуре добродушен, уравновешен. Но только не сейчас. Антон злой не знамо как. Три зимних месяца вкалывал без выходных и проходных, чтобы в марте по-человечески отвести рыбацкую душу. С утра пятнадцатого марта он в отпуске. Четырнадцатого вечером сложил всё необходимое для рыбалки в рюкзак, спустился во двор, где стояла его «копейка», положил его в салон, что бы поутру никого не тревожить, – выехать сразу.

Ночью подскочила температура под тридцать девять, стало крутить его вертеть, будто бес вселился. И вот так всегда и во всём. Станет он в очередь за колбасой или за сосисками, перед самым носом прилавок закрывается, – закончилась продукция. Девчонку на танцплощадке увели прямо из под носу. Теперь Антон с ней видится, разговаривает. Муж у неё пьяница и дебошир, пьёт и бьёт. Антон мужик, что надо. Да и жена у него неплохая, только, правда, занудистая. А что

с неё возьмёшь: учитель школы. Всю себя отдаёт чужим людям, а своим...

Антон поднялся с дивана. Поговорить не с кем. Сын у бабушки в деревне проводит каникулы. Жена на работе. По телеку голубую муть крутят без устали.

-Врач советовал при температуре больше пить жидкости,— сказал Антон сам себе.— Вот иди и пей.

На кухне, пока нагревался чайник, Антон смотрел через тюлеву занавеску на двор и прилежащие окрестности. Погода была явно не для рыбалки, что слегка тешило Антона. Ветер беспрестанно гнал тёмно синие тучи с севера на юг, нисколько с ними не церемонясь, толкал друг за дружкой. Как из дырявого мешка вытряхивал из них снежинки величиной с горох, подхватывая на лету, со злом кидал их в лицо прохожим. Вороны на макушках тополей галдели, как базарные торговки. Ветер так и норовил спихнуть их вниз, до безобразия задирали им хвосты, заставляя их то и дело вскидывать крылья, чтобы удержать равновесие. Лишь машины, понуро уткнувшись носами в дворовые кустарники, стойко переносили удары ветра со снегом.

Тут Антон заметил странную человеческую фигуру. Среди машин бродил пацан лет девяти, десяти. Он был плохо одет. Большие кирзовые сапоги явно не с его ноги, задирала носы вверх, при ходьбе смешно мотали головешками. Будто их кто-то спрашивал около очередной лужи: «Хотите в грязь?» Они отрицательно мотали: «Нет». Штанишки и куртка до того легки, что ветер беспрепятственно гулял вокруг его щупленького тельца. На плечи кулём сползала вязанная спортивная шапочка, вдвое больше головы.

На пацана жалко было смотреть. Дальнейшее поведение мальчика насторожило Антона. Тот, подойдя к очередной машине, замирал на месте, и только косым взглядом зыркал по сторонам, искал, нет ли где постороннего глаза. Убедившись, что за ним никто не следит, бегло осматривал салон автомобиля. Прямой без лишних движений, он, как тень, перемещался от машины к машине. Около новенькой белой «шестьёрки» замер: глазёнками зырк, зырк. Посиневшими ручонками достал из-за пазухи два сварочных электрода с загнутыми концами, без особого труда просунул их под резинку ветрового стекла. Прижав кнопку фиксатора одним электродом, вторым зацепив за поворотную ручку, открыл «ветровик».

-Во шпарит пацан,— удивился вслух Антон,— как по нотам.

Рука Антона машинально потянулась к окну, рванула ручку фрамуги. Та, как живой свидетель происходящего безобразия, открываясь, недовольно рывкнула. Пацан замер, присел, как испуганный голубь, готовый вот-вот вспорхнуть с места. И Антон не шевелился, скрываемый занавеской, не выдавал себя, ждал, что будет дальше. Глаза мальчика пугливо бегали по окнам пятиэтажки. Прошла минута, вторая, третья. Не обнаружив постороннего глаза, мальчик успокоился, просунув руку в ветровик, стал тянуться к дверной ручке. Антон вложил два мизинца в рот, резко свистнул. Воришка, поняв, что над ним издеваются, смущённый, юркнул под грузовик, стоявший рядом. С третьего этажа видны были только головешки сапог, да посиневшие ручки, электродом чертившие на грязном снегу всевозможные фигурки.

Шло время. Воришка не вылезал из-под грузовика. Тут засвистел чайник. Антон, как на рыбалке кинул щепотку чая в чашку, налил кипятка. Подойдя опять к окну, он не увидел ни сапог, ни электродов. Пока заваривался чай, Антон шарил глазами по двору в поисках пацана. На всякий случай посмотрел на свою «копейку». Стоит ломотина, кому она нуж-

на. Настроение у Антона вконец испортилось. Стало жаль мальчугана и стыдно за себя. Нашёл над кем издеваться. Перед глазами – озябшие ручонки и смешные сапоги. Может, он от ветра хотел спрятаться и погреться.

-А «шестёрка» чья?– вслух подумал Антон.– Мулевича... из первого подъезда. Надо же кому порадел. Жулику и проходимцу. По нём давно тюрьма плачет. Организовал какую-то липовую фирму, якобы тросы вяжет, сам же подпольно держит в подвале винный завод. Жена заруливает на «Форде», сам на «БМВ», а сынишке для опыта купил «шестёрку».

До самого вечера Антон ругал себя и жалел пацана-неудачника. С грустью поведал историю пришедшей с работы жене.

-Мулевичем пусть занимается милиция,– как всегда не в бровь, а в глаз отрубилa жена. – Мальчонку мог бы угостить конфетами и печеньем, Одежонку бы Мишкину старую дал ему. Вон её полна кладовая. Дубина ты стоеросовая,– это смутило и задело за живое Антона. Особенно последняя фраза.

От такой несправедливости Антон завалился на диван, отвернулся к стене. Люди его комплекции и, естественно, характера, теряются от откровенной грубости. Они, как малые дети, замыкаются в себе и не находят, чем ответить. В душе Антона раскалённой лавой кипела обида: на воришку, что не во время подвернулся; на жену, которая разила наповал и без оглядки на последствия; на Мулевича, на милицию, наконец, на самого себя. Прибавьте ко всему перечисленному возросшее до невероятных размеров желание плюнуть на всё и выехать на природу. Не трудно представить всё перечисленное вкупе с крепким организмом шофёра-дальнобойщика одолели болезнь, вытурили её из Антона. Ночью температура спала. К утру он был как огурчик. Тихо, чтоб не потревожить жену, собрал сидорок, заварил в термосе чай, сияющий спустился во двор. Радостное солнце, как друга обласкало его весенними тёплыми лучами. Лишь у горизонта притаились вчерашние иссиня тёмные тучи, готовые в любой момент испортить настроение и рыбалку.

Антон подошёл к своей «копейке». Ветровик и дверца водителя были открыты. Антон быстро проверил вещи, принесённые в салон ещё до болезни. Всё было на месте, кроме красивой металлической коробочки с мормышками и блёс-

нами, без которых рыбалка теряет всякий смысл.

Антон сплюнул, зло выругался, ударив кулачищем по сидению:

– Не везёт! Мотал я твою душу! Ну, хоть тресни.!

Кто есть кто

Суббота. В актовом зале средней школы посёлка № собираются десятиклассники, готовятся к дискотеке. Мальчишки настраивают цветомузыку: ставят на сцене большие колонки, вешают в углах зала софиты, всевозможные цветные лампы, тянут провода к музыкальному центру. Девчонки... те заняты собой! А-ах! Необычайно возбуждённые, немного взбалмошные, они так и порхают, так и порхают из коридора в зал, из зала в коридор. Их словно магнитом тянет в отдалённый угол коридора, где стоит большое трюмо. В простые дни на переменах в обыденной одежде они редко подходят к нему. Сегодня иное дело! А вдруг вечернее платье цветом спелой вишни или морской волны мешковато сидит на щуплой, ещё не до конца оформившейся фигурке. Или кожаная юбочка складками собралась у пояса. Не дай Бог! (Честно говоря, оборочки, складочки- всё это так... причина, чтобы подойти к зеркалу. Главное для каждой, – какая она сегодня красавица !). Вот и бегают они друг за дружкой туда- сюда, туда- сюда. А чтобы придать хоть какой- то смысл беготне, словно цыплята к наседке, в одиночку и группами подбегают к классному руководителю с вопросами, не требующими ответа.

У сцены за большим столом, покрытым до пола плюше-

вой скатертью, сидит классный руководитель Вера Петровна Хлыстова, проверяет тетради. Строгая, подтянутая, очень да же симпатичная женщина. Она не замужем, хотя её возраст перевалил ту черту, после которой годы, что самокаты,— ничем не остановить. Своих детей у Веры Петровны нет. Всю жизнь кудахчет с чужими. Она- то знает, как хлопотно растить их.

Рядом с Верой Петровной в дорогом кожаном пальто с песцовым воротником сидит, еле умещааясь на стуле, жена главы администрации Пухлощёкова Ануэлла Павловна. Замечу сразу, дабы не забыть, сам глава администрации супротив жены и вопреки своей фамилии длинный и тощий, как хлыст. Доброта никогда не посещала его тело, так как ей там негде было развернуться. Подчинённые и частые просители думали, глядя на его худобу, что глава болен, оттого и чахнет. Истину знала только жена: Пухлощёков много пьёт и ни грамма не закусывает.

Госпожа Пухлощёкова на вечере присутствовала в двух эпостаях: как член общественного(как же без неё- то !?) Совета школы и как обыкновенная родительница, дочка которой с минуту на минуту должна придти на дискотеку.

Вера Петровна пятнадцать лет знакома с Пухлощёковой. Они даже когда- то жили вместе в совхозном общежитии,

ещё девчонками. Молодая учителька Вера Хлыстова и учётчица тракторной бригады Аня Косогорова. Правда, родной дед, живший в соседнем селе Мелешино как, бывало, увидит её, звал Нюркой, чем вгонял внучку в краску и полнейший конфуз.

Когда же она вышла замуж за секретаря райкома комсомола Пухлощёкова, просила всех называть её не иначе, как Анна Павловна.

Жизнь не стоит на месте: идут годы, меняются власти и обстоятельства, полнеют фигуры. Служебное положение мужа (презентации, всякие там встречи с иностранцами и высоким начальством) и “архитектурные” излишества её тела не позволяли теперь быть просто Анной Павловной. Слишком обыденно звучит и голо. Бывшая некогда Нюрка- теперь уж Ануэлла Павловна.

-Ве-ерочка,- томно и с ленцой говорит Пухлощёкова учительнице, поправляя пилочкой маникюр,- я смотрю у вас новый музыкальный центр?!- Как член общественного Совета школы она обязана была знать и наверняка знала, что молодые предприниматели Петлицины, родители скромной светловолосой Леночки, сделали школе подарок к новому учебному году. Ануэлла Павловна затеяла этот разговор по той причине, что любила “поплакаться в жилетку”.- Откуда у

людей такие сумасшедшие деньги?! Право, не знаю. Тут над каждой копеечкой трясешься, не знаешь, что купить: и то надо, и это.

Вера Петровна молчаливо кивает головой, соглашаясь с Пухлощёковой в той части, что трясутся они точно над каждой копеечкой. Имея двухэтажный коттедж, натрясли ещё на дачу, построенную в Мелешино на имя двоюродной сестры. Там же строят двухэтажный дом для дочки, так сказать на вырост. Учителя месяцами не получают зарплату. Их деньги Пухлощёков крутит в банке под проценты. Шельмует тощий.

Пришли ещё несколько девчонок. Среди них и младшая Пухлощёкова. Она заметно выделяется среди других броской одеждой. Ни у кого нет таких черных брючек из тонкой-тонкой, словно папиросная бумага, кожи турецкого производства. Блузон из той же кожи застёгнут на две нижние кнопки. Ворот блузона небрежно распахнут так, что золотой кулон на ажурной платиновой цепочке бросается в глаза, будоражит завистливый взор. В тон кулону большие, но тонюсенькие- тонюсенькие серьги из червонного золота, слегка прикрытые прядью пушистых волос. При виде дочери Ануэлла Павловна оживает, сбрасывает с лица томную маску, радостно улыбается, прямо вся светится, как заря на востоке.

-Жарковато сегодня в зале, – жеманничает она, снимая ко-

жаное пальто. Жары, конечно, нет ни какой. Просто надо раздеться, ибо пальто скрывает ту же турецкую кожу, червонное золото и платину, что и на дочери, только гораздо больших размеров. Ануэлла Павловна жадно ловит каждый взгляд завистливых девчонок. Это подогревает её самолюбие: пусть знают – кто есть кто.

Вера Петровна, наоборот, мрачнеет. Ещё не понимая отчего, но виду не подаёт. Годы работы в школе приучили её не показывать своего внутреннего состояния, прятать свои эмоции. Быть строгой, когда тебе ужасно весело, и веселиться, когда на душе кошки скребут.хлопотное дело – быть учителем. О личной жизни забудь. Принадлежать самому себе хотя бы несколько часов в сутки – непозволительная роскошь. Всё время думаешь о детях: “Как они ? Что их ждёт завтра?”

-Вера Петровна,– прерывает размышления учителя подбежавшая Лена Петлицина. Большие голубые глаза её замерли в одной точке, начав заполняться искристой влагой. Девочка готова разрыдаться, давясь слезами, шепчет,– Юля Пестова, Люба Калина и Зоя Листова не придут,– губы девочки дрожат, она не выдерживает и начинает плакать,– им... им... не во что одеться.

-Хорошо,– машинально бросает Вера Петровна нелепую фразу и тут же, спохватившись, молча себя ругает. Ну что

же в этом хорошего? Какая

несправедливость! Как, наконец, чудовищно всё кругом! Она мысленно представила девчонок, не пришедших на вечер. Душой- то они здесь, со всеми вместе. Только теперь Вера Петровна понимает, отчего она мрачнела только что. Девчонки раскрыли ей глаза: не нужно было приходить сюда в своей одежде. Как она сейчас завидует им. Они свободны в выборе: захотели- пришли, не захотели- нет. Учитель же не может позволить себе этого: долг. Теперь вот сидит за столом, специально покрытым скатертью до пола, прячет свои ношенные- переносные туфли, старую юбку, которой отроду сто лет. Когда закончится вечер, и все уйдут, она крадучись покинет свой смешной трон, с которого на правах наездки весь вечер будет ворковать с детьми, давая ценные советы. А сейчас она прикована к столу своей стыдобой. Даже купленная на последние деньги кашемировая блузка на фоне вечерних платьев и кожаных блузонов смотрится, что земля и небо. Ей кажется, что буквально все пялятся на неё, не отрывая глаз. Хоть провались на месте. Слава Богу, мальчишки невольно выручают: врубают музыку и вечер начинается.

Вера Петровна успокаивается. Ануэлла Павловна одевает пальто с песком, садится на стул рядом с ней.

– От такой музыки аж в дрожь бросает,– кричит Пухло-

щёкова громко на ухо учительнице. Музыка, действительно, словно “бабкой” забивает свай: “бум- бум, бум- бум” и всё по голове, и всё по голове. “Иванушки-интернейшнл” сменяют группу “На- на”, гундосая Распутина уступает место астматическому вздоху Варум. Девчонки горохом рассыпались по залу, выписывая ногами, руками и телом необыкновенные кренделя. Мальчики по двое, по трое жмутся по углам. Все радостные, довольно веселы, заняты собой. Житейские заботы где- то там и не скоро коснуться их. Они сейчас беспечны и немного взбалмошны...

...Вечер близится к концу. В один момент, когда музыка замолкает и все с нетерпением ждут начала нового танца, в зал входит Жанна Скакунова. Все столбенеют от неожиданности. Во- первых, она бросила учиться и больше года не кажет глаз в школу. Во- вторых, все знали, что она освоила древнюю женскую профессию и ни под каким предлогом не должна была появляться тут. Но главное, что заставило всех буквально остолбенеть! Главное- то – как она была одета! Лёгкое норковое манто в пол. Широкополая шляпа из той же норки. Шея, уши, руки, горели золотом и бриллиантами. Просто царица небесная! Как тут не оцепенеть. Немая сцена длилась чуть ли не минуту. Наконец, девчонки кинулись к ней.

-Жанночка ! Жанночка !

Пухлощёкова старшая смутилась, стала темнее ночи, словно у неё из – под носа увели приз мисс красоты. Она поднялась, цедя сквозь зубы:

-Проститутки здесь ещё не хватало !– кивнула дочери на выход, громко затопала каблуками по дубовому полу коридора.

А Вера Петровна так до конца вечера и не вышла из- за стола. Стыдоба, казалось, приковала её навечно.

1997 г.

Нельзя ли поаккуратнее

(Заявление постороннего человека)

В районной больнице посёлка Отмороженные Столбы Ч. П. Сбежал больной. Можно сказать, прямо из-под скальпеля. Его готовили к операции. Утром медсестра зашла в палату температуру замерить. А больного корова языком слизала. В раскрытое окно только застиранные занавески сквознячком засасывало, указывая на путь исчезнувшего пациента.

До одиннадцати часов весь персонал больницы стоял «на ушах». Это ведь не шуточное дело. Диви бы там какой-то мальчишка убежал на свидание к возлюбленной. Солидный человек, бывший председатель колхоза «Дай бог терпение», а ныне действующего АО «Шестьдесят лет без урожая» сам Григорий Григорьевич Долбилов. Полдня о нём ни слуху, ни духу, а в обед привезли чуть живого.

А случилось вот что. В шесть часов утра, как только по радио пропикало, и прозвучал Гимн, в последних известиях передали итоги выборов губернатора (старый проворовался, и теперь в каталажке сидит): «По предварительным подсчётам победу одержал коммунист Брежалов».

Тут Долбилов и сиганул в окно. Прибежал домой, запыхавшись, в туалете из вентконала достал целлофановый пакет. (Кстати, он там и записку от жены прячет, только вы не сказывайте ей). Так вот он достал, значит, целлофановый па-

кет, в котором прятал партийный билет члена КПСС и ходу на работу. А там втихоря уже партячеейку восстанавливают. Последние лет десять Долбилов членские взносы не платил. Не стал мелочиться в этот раз и выложил кругленькую сумму. Довольный идёт к себе в кабинет. Снял со стены портрет Ельцина, задвинул его за сейф, вытащил портрет Зюганова, припрятанный на всякий случай. Аккуратно платочком вытер запылившееся стекло, ножичком убрал следы сидевших когда-то мух. Встал на стул, только повесил Зюганова, и вдруг по радио передают: «По уточнённым данным победил, всё -таки демократ Вороватый».

Наш Долбилов и скандыбился. Чуть живого привезли в больницу.

В связи с этим, у меня такое заявленьице:

–Господа демократы! Нельзя ли воровать по аккуратнее?!? Нешто можно так хапать. Вон как народ шарахается из стороны в сторону. Если и дальше так дело пойдёт, то скоро мертвецы из моргов разбегутся.

Россиянам мой душевный совет: не тратьте зря деньги, укрепляя своё здоровье. Собирайте их на похороны. От такой жизни скоро все со смеху помрем.

Посторонний человек.

Поздно хватился

Ха-ха ! Ну и дела !

У Васьки Филюгана

(мы так его кличем на селе) опять дочь родилась. Ха-ха!
А сын- то не получается.

–Куда мне стока дочерей, солить что ли!?!– взмолился он, когда из роддома привезли вторую девочку.-Мне и нужно- то пару варежек связать и носки. Давай мне парня!– не унимался Васька, наседая на жену.-Он у меня трактористом будет, сварщиком. Апосля работы хряпнем с ним первача, футбол будем смотреть. От ваших сериалов уже скулы сводит.

Ага-а. Через год жена опять ему девочку. Вообще Васька страх какой невезучий. Бывало за колбасой станет в очередь или там за сосисками, перед самым его носом то прилавок закрывают на учёт, али колбаса кончится... Ваучера(прости господи, этого дерьма- то) не досталось,– бланков не хватило. И в этот раз, когда третью дочь- то привезли, Васька понял, что теперь до скончания века будут одни девки. Надо что- то делать. Решил переиначить свою судьбу. Притворился вроде бы у него с ушами штой- та такое. Поехал в город провериться. А ничего ж в городе не знает. Город -эт вить не деревня. Там стока дураков ходють...И он среди них, значить, стал по врачам ходить. Те как сговорились: ”Это не в нашей,– говорят,– ком-плен-тен-ции. Только господь один

может такие дела”. Ну, чаво тады делать? Разговорился с одним умным мужиком около... пивной... Тары-бары растоба-ры. Тот ему советует пойти в подземный переход, там знахарка знаменитая есть. Она точно поможет...Энтот мужик даже согласился отвести Ваську, только предварительно пошёл позвонить жене, мол, задержусь немного, надо человеку помочь. Долго объяснял жене, видно, она его с пьяну никак не поймёт. Ну поняла, дала добро. Идут они в подземный переход. Там народишу ! И все с протянутыми руками. Одни рисуют, другие судьбы угадывают наперёд, третьи на деньги играют. Чаво там только нет(к нам бы их на картошку!).

Ага-а! нашли эту, значить, знахарку(Сказала, вроде бы по вызову куда- то отлучалась). А страшна,— не приведи господь. Кривая, рот провалился... Покажи такую в телевизере,— дети долго не будут подходить к экрану. И не поймёшь: ни то баба, ни то переодетый мужик.(Каких щас чудаков- та нет!) Васька к ней, молит христом – богом. Сколько было деньжищ, все отдал. Ради сыночка нешта не отдашь, наследник!...

Ага-а! Налила эта знахарка из бутылки в черепушку какую- то жижу, склонилась над ей.

–Штой- та ничаво не видно! (А што она там может увидеть, кривая?)...Ты каво хошь:девочку, али мальчика?

–Какую девочку,— взмолился Филюган,— сынка, сынка...

–Ну, так и говори...Откуда я знаю...Значит слушай ме-

ня внимательно. Как только отвезёшь бабу в роддом, одень на голову шапку. Хучь пожар, хучь потоп,— а ты в шапке. И днём, и ночью. Пока не родит. Чтобы шапка не спадала завяжи вот так верёвочки,-и знахарка показала на узелок под подбородком, коим были связаны концы её платка.-Когда жана будя рожать, тебе весточка придёт. Ты прямо в шапке иди к роддому и под окнами стой.

Ага-а ! Подходят, значить, роды. Как раз в конце июля, начале августа. Уборка в самом разгаре. Жарища, духатища, дышать нечем, а наш Васька сидит на комбайне, натянул шапку, да ещё и верёвочки завязал. Кто не спросит(любопытных мно-ого), он показывает на уши, мол, болят, врачи советовали носить шапку.

Пришёл как-то на обед, а старшая дочка, она уже повзрослела, и говорит:

—Кузя чуть не сцапал ласточку. Залетела, бедняжка, в форточку...еле-еле кота отбили.

Васька сразу смекнул:”Ласточка- это та весточка, что знахарка обещала”. Собрал сидорок (сальца положил, яичек... вообще закусить...ну, и конечно же взял бутылку. Как же без этого: “копытца” нужно sprыснуть мальцу) пошёл вечером в райцентр к роддому. В кустах перед окнами стал ждать.

В это время сторож роддома Михеич с собачкой Дамкой обходили свои владения и заметили Васятку. Михеича не

поймёшь: то ли он хохол, то ли ещё кто. Всяда свою речь разбавляет украинской мовой. И в этот раз бачэ:

–Цэ хто вин будэ?– лукавил Михеич. Он знал, что и ночью, и днём в этих кустах счастливые папаши ожидают прибавления в своём семействе. Михеич был у них на подхвате(скор на ногу): кому сигарет, кому закусить, кому выпить купит. Сервис у Михеича был налажен огого как,– к утру назююкается , бедная баба Варя(его жена, она работала санитаркой в роддоме) еле его до дому тащит.

Васька, значить, позвал Михеича, показал на сидорок. Разговорились. Тот всё сторожу рассказал. Так и так, мол, вот жду сыночка.

– Варвара нам скажет когда и кого. У нас это дело налажено,-заверил Михеич, пропуская первую рюмку. Вскоре через форточку слышались и крики роженицы. Налили по второй, чтоб ей, бедняжке, легче было опростаться. Тут скрипнули оконные петли. Баба Варя высунулась на втором этаже.

–Ну, не тягни, говори кто: хлопец чи дивчина?

–Да, хлопец,– засмеялись на втором этаже.– Только, когда шёл, по дороге краник стёрся...стал девочкой.

Васька сбросил с себя шапку и давай её топтать. Михеич, видя как оборачивается дело, стал утешать папашу:

–Ты малость припизднися. Шапку надо было одевать девять месяцев назад. Но ты ещё молодой. У тебя всё впереди,– Михеич поторопился налить остатки из бутылки и выпил за здоровье новорожденной.

Юмореска

Не больше года тому, на одном телеканале стал выступать так себя называемый юморист-сатирик. Плохонький... на вид невзрачный, да и юмор у него тягучий такой, ну просто лошадиный. А откуда взяться лёгкости? Вы видели пальцы этого умориста? Присмотритесь, когда он чешет свою бородёнку. Пальчики тонюсенькие, как спички. (Правда, чистые аж блестят). Чего бы им не блестеть, если он из них дено и ночью сосёт и сосёт сюжеты для своих передач.

—Поезжай на тамбовщину, али к нам в Воронеж, можно и в Липецкую область. Припади к дланям тамошних мужиков. Их пальцы, откровенно говоря, не такие чистые как у тебя, но толстые, как сардельки и плодовые: на всю жизнь хватит сюжетов,— такое вот пожелание крикнул я в телевизор, да он (этот уморист на экране) ничего же не слышит. Заладил своё долдонит и долдонит. Если бы слышал, я бы посоветовал ему читать Чехова до посинения. После посинения проступает краснота, а краснота- признак созревания. Короче, жалко мне стало того умориста, решил ему помочь. Быстренько написал юмореску (нам, воронежцам это как два пальца обосс...об... обсосать !) и, прежде чем послать её на телестудию, решил провести над ней экспертизу,— чего она стоит. Мало ли что. Обычно юмористы начинают свой путь со страниц газет. Выбрал и я солидную газету, ещё осно-

ванную нашим великим литератором. Пришёл в редакцию. Сразу поразили две вещи: охрана и... запах подгорелых сухарей, причём сухарей из черного хлеба. С сухарями всё ясно, а вот с охраной не понятно. Взяли сейчас в моду охранять. Чего охранять?! Газеты и журналы? Кому они нужны? К ним в киосках кроме пыли никто не прикасается. Отсюда, наверное, вытекает и вопрос с сухарями. “Комсомольцы” поди-ка вон на пиццах все зубы съели, потому и газета их нарасхват. Впрочем, меня стало” заносить на поворотах”. Ближе к делу.

О чем тобишь я?... Ага-а! Хотел было пойти по кабинетам редакции.

–Нижзья,– остановила меня седая вахтёрша, мусоля сухарь, то и дело макая его в кружку с водой,-у нас так недожжволено. Пожжвони шна-чала Ему, Он пожжвонит мне, а я уж пожжволю тебе проити.

Звоню Ему. На том конце провода слышу голос далеко не молодого человека:

– Скажи честно,– говорит Он, узнав о цели моего визита.– Скажи честно, когда прочту твою юмореску, я со смеху упаду со стула? Сразишь ты меня на повал или нет?

Я опешил, объявил рекламную паузу, чтобы подумать. Но как всегда со мной бывает, думал не о том, что нужно: не о качестве юморески, совсем-совсем о другом. «Если Он после прочтения каждой юморески грохается на пол, – сообщал я, – то, либо он уже инвалид и доживает последние

дни, и моя юмореска пришибёт его окончательно, либо со мной говорит автоответчик» . Так мне захотелось взглянуть на Его. Тут как раз вахтёрша исчезла куда- то: может, пошла минус попить, а может сухари перевернуть, чтобы не подгорали. “Ху-сим,— повторил я про себя слова одного японца, –куй железо, пока горячий”,– и шмыгнул в коридор, надеясь по запаху (не все же у них сидят на сухарях!) найти Его кабинет. Нашёл. Захожу. За столом сидит почтенных лет мужчина, который почему-то напомнил мне анекдот студенческой поры: студенты говорят преподавателю: ”Ну и дуб, ты , Василь Иванович” и слышат в ответ:”Крепок я, братцы, крепок !”

Да разве такого свалишь юмореской. К тому же он не на стуле сидит, а в кресле с подлокотниками, на высокой спинке которого ещё такая фигурная виньетка с цифрой “13”. Попробуй, сковырни его оттуда! Пупок развяжется. Не-е-ет. Что-то с юмором у нас не то творится. Я выскочил из кабинета, как оглашённый, заорал в коридоре благим матом: ”Антон Павлови-и-иич ! Ау-уу! Где вы?”

Тут жена меня толк в бочину:”Говорила ведь, зараза! Не читай на ночь Чехова. Смотри по телеку «умориста». От него ни жарко, ни холодно”. И, действительно, сдался мне этот юмор!

Жулет

У старика Михеича есть собачка Дамка. Чистюля! Ухоженная, форменная краля «Фи-Фи», хотя и обыкновенная дворняжка. Сама вся белая, только кончики ушек чёрные. Те самые ушки она любит складывать крест на крест и по вечерам лает на полную луну. Недавно Дамка загуляла. Вышла на крыльцо и стала прохаживаться. Желающих составить компанию «на randevу» такой красавице оказалось, как стоило ожидать, предостаточно. Первым прибежал приبلудный чернявый кобель Анзор. О, уж эти беженцы! Везде-то они успевают быть первыми. Жених но уж больно драчлив («кров гарачий»). Сам не большой, а задиристый! – никому спуску не дает.

Дамка собачка сурьёзная, – с кем попало не якшается, тем более с первым встречным, как Анзор. Она легла на резиновый коврик, расстеленный у крыльца и стала ждать: может попутёвее кто объявится. Чернявый женишок, крутясь во-круг да около Дамки, твердил, как «отче наше», заученные фразы:

–Дэвушк...а дэвушк... Верь мнэ. Чесний слов...Клянусь аллах... другой так любит нэ можэт.

Тут у калитки появился Жулет, рыжий пёс с соседнего переулка. Нам придётся ждать и четвёртого героя моего рассказа. А пока я познакомлю вас с Жулетом. Французистого в

нём ничего нет, ибо не «жую», а «жу», то есть русское производное слово. Не трудно догадаться, что подразумевал хозяин, давая кличку своему пёсику. Жуликоватый, аж спасу нет. Украдёт, а скажет, так было. Жулет преподобный страсть как любил «ловить рыбку в мутной воде». Бывает, из-за косточки стравит двух собачонок, пока те выясняют отношения, Жулет сам «оприходуется» лакомством и был таков. Правда, достаётся ему за это ого-го как. Посмотрите на его голову. Видите: три волосины на семи рядах. «Причёска испорчена» основательно, но вполне заслуженно. И бородёнка у Жулета жиденькая, жиденькая. Глазки рачьи на выкате всегда слезятся, словно он плачет, отчего вид постоянно обиженного существа.

Пока мы с вами рассматривали его, Жулет подошёл к калитке. Хитрюга знал все выходы и входы, потому без труда нырнул во двор через дыру в калитке, сделанную хозяином распрекрасной Дамки для её же нужд. Пролез, значит, в дыру, но пойти в глубь двора побоялся рискнуть, ибо там можно было и «схлопотать». (У Анзора «не заржавеет»: чуть что, – сразу в глаз). А здесь, вдалеке, у калитки... он (Жулет) вроде бы с боку припёку. Присел так на всякий случай, и от выхода недалеко (если что, – во время «слинять»), а вдруг что «обломится». Ах, это «вдруг»! Будь я поэтом, сложил бы гимн этому слову. Как часто оно выручает. И на этот раз... Вдруг у калитки появился Охламон. Здоровенный пёс, весь нухоженный, дюже лохматый. Репей на репье сидел в его

шерсти, ну вылитый батон с изюмом. На здоровье Охламон никогда не жаловался. (Это, кстати сказать, для таких красоток особой роли не играет). «Здоровье- ерунда! – считает она. – Был бы человек хороший». Охламон как раз был не из тех. Мнение Дамки о нём было однозначно (и я с ней согласен целиком и полностью): «Тюха – Матюха. Ни украсть, ни покараулить».

Дамка нехотя бросила взгляд в его сторону и скривила мордочку:

– Тоже мне жених! Хотя бы причесался...

Охламон, между прочим, знал, что женщины коварны и, если они тебя ругают, это ещё не значит, что не любят. Потому и ругают, что любят. Хотят, чтобы ты стал лучше, хотя бы внешне, в причёске. В парикмахерскую Охламон не побежал. Он справедливо полагал, что любить надо такого, какой есть, – не хрена припудриваться...

Пёс склонил свою бестолковку к дыре в калитке и увидел там Жулета.

– Ты... хмырь... Позови Дамку. Я хочу с ней погулять. А не то сейчас снесу к чертям собачьим весь забор вместе со столбами. – Охламон просунул голову в дыру и слегка пошевелил ею. Петли заныли грудным ребёночком, и в лад им жалостливо затрещал штакетник. Звуки образумили Охламона. Он отпрянул от дыры. Зато Жулет наполовину высунулся через дыру, тряся бородёнкой, залебезил:

– Чего ты... Чего ты испугался... Заходи... Она вон с Анзо-

ром шашни водит... – Жулет вышел к Охламону, дружелюбно помахивая хвостом и преданно заглядывая ему в глаза. – Не бойся... заходи... Смотри как я это делаю, – и он стал проворно скакать туда и обратно, туда и обратно. Он делал это с превеликим удовольствием, потому что в голове уже имел план, как облапошить разом обоих соперников.

Если Охламон очутится по ту сторону забора, Анзор очуется от злобы. На стороне Охламона сила, у Анзора – дури на десятерых: будет биться до последнего издыхания, ни за что не уступит. Дамка усекла замысел Жулета (вот оно женское коварство!), лукаво ухмыльнулась и подмигнула ему, мол, в любом случае в накладе не останемся. Оно и действительно, зачем ей Анзор с Охламоном?! По – теперешней жизни пронырливые в цене: детишки пойдут деловые, наподобие Чубайса и Березовского.

План Жулета сработал точно. Охламон аккуратно протиснулся в дыру (чего не сделаешь ради любви!). Китка приподнялась на петлях, нудно вереща: «аккура – атней!!! Ссссорвусь же!» – но не сорвалась, а буквально повисла на честном слове, затаив в себе угрозу в любой момент сорваться и прихлопнуть кого ни попадя.

Зенки Анзора налились всеми цветами радуги. Так бывает у южан. («Кров гарачий»). Шаровой молнией метнулся он на Охламона. Клубком покатались собачьи тела мимо крыльца к сараю, шипя и швыркая, как яичница на перегретой сковородке. Слюни так и брызнули по сторонам. На-

чалась битва не на жизнь, а на смерть. Драчунов уже водой не разлить.

А что же Дамка с Жулетом?

Тех тоже водой не разлить! Они предались той любви, которой могут предаваться только одни собаки: клещами не оторвать друг от друга.

Вскоре драчуны образумились и вдруг(!) увидели, что их наглым образом «надули»: не только «сливки были уже сняты, но и горшки перебиты». Анзор с Охламоном, опешив, на мгновение замерли. Не сговариваясь, оба разом вцепились в загривок обольстителю, – только шерсть столбом. Бедный Жулет! Обычно его выручали ноги и сейчас спасли бы, кабы не «прицеп» в виде Дамки, державший его, как якорь.

Скорее всего разъярённые друзья по несчастью разорвали бы Жулета, но тут угрожающе закрипела избяная дверь: хозяин, услышав возню во дворе, решил посмотреть, что за шум. Застигнутые врасплох, герои кинулись в рассыпную. Первым покинул двор Анзор («горячий кров быстро стынет»). За ним бежал Охламон, забыв про осторожность. (Злопамятная калитка до поры до времени продолжала таить угрозу. Ждала только случая.) Охламон пулей рванулся в дыру, калитка сорвалась и прихлопнула... Жулета, бежавшего последним. На бедного Макара все шишки! А всё из – за чего? Непомерная хитрость. Не зря говорится, на хитрую... В общем вы меня поняли. С умом нужно всё делать! С у-мо-м!

«Хмырь» иль Вась – Вась

(Рассказ соседа)

– Да-а-а-а! Каких только чудес не бывает на свете. У нас на деревне жил Хмырь. Прозвище у него было такое. Теперь-то он – кум королю и сват министру. Не иначе как Василь Васильевичем величают, хотя за глаза кличут Вась – Вась. А был бомж-бомжом, пил беспробудно, вечно грязный ходил, небритый, с «фонарём» под глазом и разбитыми губами. Теперь у него «Форд». Черный. Блестит, как сопля на дороге. А ведь бывало с утра ни свет ни заря, он трётся около продовольственного магазина. (Теперь это модно: весь день гуртом торчать у магазина, выклянчивая у прохожих покупателей рубль или два на пиво). Так вот какой-то «фордовый» парень дал Хмырю целую бутылку водки. Вдвоём с дружкой они расположились в сквере на лужайке. стакан гранёный всегда при них, карамелька и бутылка, – что для счастья ещё нужно. Хряпнули по чуть-чуть, загрызли карамелькой. А бомжи они же слабенькие. Сто граммов, – и он уже готов. Дружок Хмыря тут же отрубился, повалившись на траву. Сам Хмырь с посоловелыми глазами сидел и раздумывал: «Налить ещё или подождать». Налил полстакана, хотя голова была тяжела, как чугунок, – нужны были усилия, чтобы её держать, а тем более, ею вертеть. В глазах туман сгустился.

На мусорном баке сидела ворона. Она большая специа-

листка воровать закуску у зазевавшихся пьянчужек. Глазом не моргнёшь, а уже кусок колбасы стибрила. Видит теперь, «клиенты» «созрели»: один уже «не мычит, ни телится», второй вот-вот кувыркнётся (Хмырь сидел полулёжа и его сильно «штормило», но он настойчиво делал усилие взять стакан). Тут подлетела ворона, и видит: закуски никакой нет, только бутылка да стакан, а схватить чего-то надо. Привыкла тибрить, хоть обёртку от конфеты. Она клювом цап стакан и потащила вверх. Стакан тяжёлый, и вороне не так-то просто тащить его, располагаясь вниз головой и вверх хвостом, это же не вертолёт или самолёт вертикального взлёта. Она попытается, крыльями машет, а стакан скользкий, не держится в клюве. В панораме своих мутных глаз Хмырь ворону не видит, а только стакан. Он хочет его взять, да не тут-то было. Стакан не даётся в руки. То поднимется, то слегка опустится, словно дразнит и манит за собой вверх к небесам. А потом, гранёный, и вовсе на какое-то время пропал, и тут же рядом упал, вылив на траву всё содержимое своё. Хмырь мгновенно протрезвел, стал как огурчик, встрепенулся и уже трезвой головой подумал, что случившееся только что с ним,— это провидение Божье. С той поры он резко завязал. Но на этом чудо не закончилось. По чьей протекции мне неизвестной Хмырь вскоре становится замом Главы местной администрации по земельным вопросам, Василием Васильевичем, т.е. Вась Вась. Это чудо так чудо! Такое могло случиться только в России. Теперь у него не жизнь,— разлюли малина. Налё-

во и направо распродаёт народное добро, то бишь земельку. Настроил родственникам коттеджей, иномарок накупил. Но поговаривают,— опять стал пить. На бутылку коньяка натянет соску и под одеялом присосётся к ней, пока не отпадёт. А иначе уснуть не может. Мнится ему, опять Зимний Дворец штурмуют, соседские мужики с вилами на его ворота лезут. Для этого случая он завёл собаку с обрезанными ушами. А всё равно на душе беспокойно. Да о каком спокойствии говорить?! На той неделе у него на участке прорвало водопроводную трубу. Его как раз дома не было, рано утром уехал на выгодную сделку. Сделка никак не получалась, а тут жена звонит, так и так на участке море образовалось, скоро подвалы затопит. Ну, он позвонил в ЖЕК, вызвал ремонтников. Ему бы самому присутствовать на участке, но как бросишь такую сделку. Столько бабок светит, считать замучаешься. Весь день уговаривали смежника (по огороду) уступить свой участок. Ведь, какой сейчас пошёл клиент,— он думает, что если платит бабки, то готов тебя с потрохами сожрать. Жене покупателя, видите ли соседний участок приглянулся (на нём сосна необыкновенная росла). Она закапризничала перед мужем: вынь да положь,— пристегни участок с сосной. Сделку отложили до завтра. Вась.Вась. приехал домой под вечер, злой как его с обрезанными ушами собака. Жена, стоя на пороге дома, встретив мужа, стала рассказывать, как та собака чуть железную клетку не порвала, всё кидалась на ремонтников, которые откапывали трубу за сараем. Тут Васи-

лий Васильевич ни с того ни сего хрясь прямо у крыльца на землю, и обратился опять Хмырём,— имеется ввиду, что под глазами проявились синяки, и из губ кровь потекла. Жена с трудом заволокла его в дом раздела, уложила на диван и вызвала «скорую». Пока ждала «скорую» чуть голову не сломала, всё не могла понять, что случилось с мужем. А он на диване глаза выпучил, вроде бы тужится, пытается что-то сказать, а язык не ворочается, только пальцами рук шевелит, вроде шепчет, а пойдя, догадайся, что он ими шепчет. Врачи «скорой» сделали укол, и мало чем обрадовали. Первичный инсульт, там ещё что-то такое. Теперь какие у нас врачи, лучше бы их и не было. Короче, сказали, что если будет хуже, звоните. А куда же ещё «хуже»?!! Он и так колода-колодой лежит. Когда Хмырём был хоть как-то разговаривал: в день два, три слова, бывало, скажет. Честно признаться, лексикон скудноват был у Василя Васильевича. Матершиной покрыть,— пожалуйста, но до умного разговора дело не доходило. А теперь вот и совсем не мычит и не телится. Пойди, узнай свою судьбу: что лучше, быть Хмырём с протянутой рукой около продмага или Вась. Вась. Так и не поправился он. Вскоре отдал Богу душу. Как только его похоронили, водопроводчики, что ремонтировали трубу в огороде, тут же купили себе иномарки. Раньше бывало, с работы прямой дорогой не ходили, всё их по кустам носило. Теперь при галстуках и только по имени отчеству. Потом один из них за стаканом проболтался дружку Хмыря: «Когда пошли по огоро-

ду с миноискателем (так они зовут металлоискатель) искать лопнувшую трубу, за сараем нашли закапанный литой ящик из – под патронов. Там в тряпке Вась. Вась золотишко прятал на чёрный день. Хотели пошутить, чтобы потом вернуть. Оказалось, возвращать-то некому». Жена же теперь божится, клянётся, что никакого золота в огороде не было. Пойди, узнай, кто прав, кто виноват. Да какую зарплату не давай чиновнику, – всё равно будет воровать. Ты его хоть озолоти, – он всё равно будет воровать. Закваска такая в нём.

А что скажет моя Маня

Ах, какое хорошее местечко я надыбал, просто прелесть. Правда, далековато от дома, — 27 км, но на машине это же, как глазом моргнуть. Хопа! через полчаса и ты уже на месте. По правде сказать, таких шустриков как я, много, поэтому, чтобы застолбить себе местечко на Оке, приходится выезжать не за полчаса до рассвета, а в двенадцать ночи. Застолбив местечко, время до рассвета коротаешь в машине. Для настоящего рыбака это — «Ташкент». Вон мотоциклисты и велосипедисты под открытым небом, и ничего. Только покряхтывают.

Я, наверное, не с того начал. Моя Маня, прочитав абзац выше, понесла бы меня по кочкам. Конечно же, надо было начать с того, что, как только сходит снег, я уезжаю под Рязань и до следующего снега живу там, рыбачу на Оке, а свободное от рыбалки время окашиваю дом и огород. Не дай Бог пожар! Что в прошлом году творилось!!! Не окоси я свою усадьбу, пиши «пропал». Но я сейчас не об этом.

Я о рыбалке. Кто любит это дело, подсаживайтесь поближе. Немало нового узнаете. Правда, моя Маня, прочитав это, обзовёт меня хвастуном и брехуном:

— Да все уже давно знают, о чём ты хочешь сказать. Это до тебя, как до жирафа, долго доходит. Другие, — не тебе чета — Тюха Матюха.

И она права. Представляете, двадцать лет мы выезжаем, как вам уже стало известно, под Рязань. Я обрыбачил все пруды на сотню километров в округе. Мне и невдомёк, что рыбу можно ловить и в Оке. Можно! да ещё как!

Вот уже два года я рыбачу на Оке. Превосходный лещ! Отменный карась! А про «хищника» и говорить нечего. Правда, я до него ещё и не добрался.

Так вот продолжу начатое. Сижу я, значит, в машине, в ус не дую, коротаю время. Смотрю, велосипедист подкатывает. Застолбил быстренько у самой воды себе местечко (рядом со мной) и собирается костерок разжигать, чтобы греться. На берегу-то «Ташкентом» и не пахнет,— тем более ночью, ближе к рассвету. Я открыл дверку своего «жигуля», окликнул его, пригласил в «свой Ташкент». Познакомились. Разговорились. Как и я,— неудачник. В прошлом году по весне купил «Фольксваген», неделю не проездил. Только успел зарегистрировать. На рыбалку ни разу .... Спёрли! Прямо около дома.

—Теперь вот опять на велике, и опять коплю деньги,— вздохнул он, слегка поёживаясь. Я осмотрел его, тоже поёживаясь. Он не стар. Машины на две его ещё хватит. У меня «четвёрка» и я уже пас, хотя моя Маня меня запилила:

—Чего тянешь резину?! Денег набрал,— так покупай!

Легко сказать «покупай». Дело не в том, что сопрут. Я ещё не купил, и воровать нечего. Но как купить? Ходил я по этим автосалонам.

Как было хорошо при социализме,— какая подвернулась, ту и берёшь. Сейчас же только косоглазие развивать: и та хороша, и та, и та.

—Почём красная?— спрашиваю молодку в одном салоне. В принципе мне машина красного цвета не нужна. У моей Мани глаза голубые, голубые. Представляете: голубое на красном?! Как мартышка в Африканской пустыне, будет глазищи тарашить.

—Вам с какой комплектацией?— уточняет молодка. Встречный вопрос пропускаю мимо ушей.

—А чёрная?

—Чёрная...— мнётся молодка, как будто я прижал её к плетню. Бойтся продешевить, долго листает прайс-лист. Мне ведь и чёрная машина не к лицу, вернее моей Мане. Так я поднимаюсь по ценовой лестнице. Помните, в «армянском» радио ходил такой анекдот: «Какое сходство между женской ножкой и электрическим столбом? Чем выше поднимаешься, тем больше дрожь берёт».

Выясняется, что цена голубой машины как раз та, от которой меня начинает трясти, потому, как надо опять заниматься. Я отхожу от плетня, т.е. от молодки, и опускаю руки. Начни я перебирать цвета в обратном порядке, картина бы ничуть не изменилась. Машина, которую ты выбираешь, всё равно дороже всех других. С какого бока не заходи, всё равно тебя «надуют». До чего же молодые люди с визиткой на кармашке шустрые: рупь в рот не клади,— откусят вместе со

сберегательной книжкой..

И вот не знаю, что скажет теперь моя Маня. Пока я мотаюсь по салонам, цена на машины растёт. Сколько я буду играть в эти «догонялки», ума не приложу.

Дурдом

Электричка спешит из Москвы. Спешит, торопится, словно от должников убегает. В морозном воздухе колёса друг друга подгоняют: «Ско-рей, ско-рей, ско-рей...» Под улюлюканье вагонов в разряженном воздухе резаным поросёнком верещит гудок электрички: «Не могу-ууууууу...»

Стёкла вагона заиндевели, будто заклеены пластырем. По правую сторону железной дороги, как и по левую,— наша необъятная Россия. Лежит, распростёрлась в снегах, долгах и вечном кризисе.

В вагоне, слава Богу, тепло и людно. Каждый занят своим делом. Вот, по – тюремному тяжело, гремит металлическая дверь. Входит разносчик газет, с лицом человека, нашедшего стодолларовую купюру. Понятное дело: сегодня газеты нарасхват. На первой странице всех «толстушек» и утончённых сплетниц портрет в траурной рамке. Депутат Государственной Думы Галина Старовойтова. Взгляд озабочен и строг, хотя по -матерински нежен и кроток.

Шуршат страницы газет. Суетно, нервно.

–Ничего новенького!– испускает дух молоденькая блондинка, отдавая газету мужу, что сидит напротив.

–А я тебе что говорил??!...Начато следствие... заведено уголовное дело... – с досадой в голосе муж передразнивает кого-то.– Ворон ворону глаз не выклюет,— муж перево-

рачивает газету, смотрит на последней странице кроссворд. Портрет в траурной рамке молча обзирает вагон с пассажирами.

–Смотри, с чего ходишь, козёл!– В конце вагона молодые люди играют в карты.– Или тебе всё по барабану?!

Опять тяжело гудит дверь. Входит очередной «коробейник».

–Граждане, я на минутку задержу Ваше внимание,– показывает несколько томиков книг в яркой обложке.– Классики зарубежного детектива.– Обещанная минута внимания превращается в получасовой рассказ о достоинствах книги, но «коробейника» никто не слушает. Шесть человек рабочих- строителей, соорудив из чемоданов и сумок походный столик, «соображают», «обмывают» удачно подвернувшийся калым.

–Смотрите, какая смешная фамилия у корреспондента,– закусывая, говорит молодой рабочий, тыча пальцем в газету.– Бутузов!

–Ну и что ты нашёл смешного?– спрашивает огненно вихрастый парень, снимая обёртку с куска колбасы.

–У него имя начинается с буквы «Е», – молодой парень сует под нос вихрастому газету, тыча пальцем в открытую страницу.– Прочитай вместе и быстро.

Рыжий громко читает и смеётся. Смеётся заразительно, раскатисто, так, что полвагона оборачиваются в его сторону.

–У нас во взводе служил сержант по фамилии Ебуков,–

дождавшись тишины, сказал мужчина в армейском бушлате.— А в санчасти был санитар Стограмович.

—Таких фамилий полно. У нас в УРСе работал товароведом Сутрапьян,— говорит ещё кто-то. И пошло и поехало. Вспомнили грузина Похмелидзе, украинца Наливайко, русского Бздюкина. Тут же поляк Череззаборногузадерищенский.

—Опять ты с шестёрки ходишь! — кричит картёжник.— Ну, что за козлетон??!

Мужики строители уже по третьей «пропустили» и всё перебирают смешные фамилии. Тут маленький старикашка, чтобы его хорошо было видно, встаёт ногами на сиденье, начинает рассказывать:

—В коридоре одной конторы две сотрудницы Света и Маша разговаривают друг с другом. Мимо проходит третья и здоровается со Светой.

—Кто это?— спрашивает Маша Свету.

—Лена Пшеничка, из планового отдела практикантка,— уточняет Света.

—Пшеничка-а!??— удивлённо переспрашивает Маша. — Да я бы с такой фамилией удавилась.

Старичок держит театральную паузу, чтобы вокруг малость угомонились, и говорит:

—Фамилия самой Маши была Ко-бы-лян-ска-я.

Снова хохот, грохот дверей, «коробейники».

Траурный портрет убиенной женщины грустно взирает на

всё происходящее. Ей теперь всё равно, куда несётся эта масса: в тартарары или до нужной остановки.

«Не могу-у-у-у-у-у!»— визжит гудок электрички и тонет в снежном хаосе.

ХОТЬ ВОЛКОМ ВОЙ

Жил себе у нас в деревне Егор Попов до восьмидесяти годов. Тихо, мирно. Особо не высовывался: держался в сторонке, не мешая другим жить. Так бы, глядишь, и умер незаметно, будто свечка затухла. Не-ет. Её, судьбу- то, не переиначишь. Она вона какие коленца выкидывает. Устроила ему под конец жизни фейерверк.

-Егорушка, ты ба съездил в раён што-ля,– надоумила утром на днях старуха. За безумолчный её язык Егор звал свою Аниюту Молотилкой. Молотит, молотит языком без остановки.

-Чаво я там забыл? – огрызнулся Егор, не отрываясь от телевизора. Шла трансляция кубка Дэвиса. Старик давно приистрастился к теннису, повидав игру Марата Сафина. (Настоящий Российский Мужик: под настроение гору на бок своротит к чертям собачьим).

-”Чаво, чаво”,– передразнила старуха, протирая насухо вафельной утиркой вымытые тарелки.– Зачавокал...Что ж ты- мужик, а наравне со мной пенсию получаешь. Я всю жизнь уборщица.... Ты- то вон сварщиком Колымскую электростанцию строил... скока лет яйца морозил, а получаешь

что?

-Ну, завела свой барабан,— буркнул себе под нос Егор и уж погромче усмехнулся.— Твоя молотилка сегодня на ремённом приводе али на цепном?

-Сам ты цепной... только не скажу кто,— обиделась старуха.— Ему дельное, — он артачится. Вон Путин в телевизоре когда ещё обещал прибавить северянам...

При фамилии президента Егор посерьёзнул. Не потому, что президент. Нет. Просто, как мужик, Путин ему нравился. Без пышных лозунгов, наперекор недоброжелателям в самой России и, особенно, на Западе, Путин по кирпичику, по гвоздику восстанавливает былую мощь страны, разваленную бывшими мудаками — правителями. Горбачёву, считал старик, вообще не надо было из комбайнёров лезть в президенты: доверь чудаку член хрустальный он его, не думая, расколотит. Развалить такую страну!— это тебе не огрехи понаделать в колхозе Ставрополя. Уж так хотелось мужику затесаться в историю Отечества рядом с Петром Великим, с Лениным, со Сталиным.

А на Ельцина вообще глаза бы не глядели: пил и пил, пил и пил. Скока можно? Как увидишь его с экрана, ну хоть закусывай. Стыдоба!

А этот, теперешний президент- мужик, что надо. Ясное дело, выпивает (как же без того), но с умом. Сам- то Егор не ангелом жил. Бывало, схлестнётся с кем- ни будь получку обмыть, или какую круглую дату отметить,— чуть тёпленьким приползал домой. Теперь- то уж шалишь...— друзья все повымирали,— давненько не выпивал. Одному как-то без интересу, а так чикалдыкнул бы стакашек, для разговорчику. Правда, втихаря, чтоб старуха не вынюхала. Уж больно она печётся о его здоровье. Всё в книжках вычитывает, чем да как его, Егора, кормить, чтоб не потревожить язву (сувенир с Колымы крепко прижился).

— Вона Нюрочка Слепкова хвасталась,— ей прибавили аж двести рублей,— назидательным тоном продолжала старуха, не глядя на мужа. Она всегда так делала. Будто у неё где-то внутри патефонная пластинка крутится, а старуха только рот открывает, озвучивает, что на пластинке- то записано. Всё у неё выходило складно, без запинки, не ошибалась. И не придерёшься, и не возразишь,— говорила по делу. Не мытьём, так катаньем заставляла Егора делать по-своему. А он и не возникал. Долго молча слушал и смотрел, пока Марат не выиграл (не будь его,— наши продули бы!). На радостях Егор засобирался. Достал из-за портрета сына документы, завернутые в пакет, сунул в боковой карман пиджака.

-Да смотри не схлестнись там с кем-а-а,— наказывала Анюта, будто чуяла неладное. Сняла прилипшую к рукаву пиджака белую нитку, доверительно глянула на мужа,— тебе пить не идёть,— глаза делаюца как у замороженного судака, страх аж взглянуть.

-На какие это я шиши схлестнусь? Скажешь то жа...- буркнул Егор.

-Свинья грязи всяда найдётъ...— отмахнулась старая.

В районном центре Егор нашёл четырёхэтажное здание, в котором когда-то размещалась школа. Была когда-то замурованная, с обвалившейся штукатуркой, с разными росписями на облупившихся стенах типа: «Тут был Вася». Теперь фасад сиял коричневым кабанчиком. У входной двери на стене слепила глаза размером метр на метр бронзовая вывеска, на которой затейливым курсивом значилось: "ПЕНСИОННЫЙ ФОНД".

Не умея читать, Егор подумал бы, что он – в Белокаменной, а не в районном центре, попал в министерство каких-то там цветных металлов..

-Вот они, где наши денежки- то!— невольно сорвалось с языка Егора, и правая рука сама собою указала на бронзу,

ослепившую старика. Егор крепко зажмурился и на мгновение застыл, вроде как протянутой рукой шарил дверь.

-Дедушка, вход здесь,— откуда ни возьмись, явилась расфуфыренная дамочка средних лет, сильно надушенная, намного сильнее размалёванная. Она любезно открыла входную дверь, придержав её, пропустила Егора вперёд.— Если насчёт пенсии,— поднимайтесь на третий этаж.

В вестибюле перед лестницей, ведущей на этажи, стоял большущий стол. Около него охранники: два огромных мордоворота, перед которыми Илья Муромец, наверное, выглядел бы маломеркой. Одетые с иголки в униформу, они безудержно над чем-то хохотали, не обращая внимания ни на дамочку, цокавшую каблучками по паркету длинного коридора, ни на Егора, поднимавшегося по лестнице вверх. Их громкий смех неприятен был Егору, казалось, они смеются над ним. «Жирные коты!— подумал Егор, с опаской косясь на охранников.— Недурно устроились!»— старик десятым чувством понимал, что и тут без доли его пенсии не обошлось.

На третьем этаже такой же длинный коридор. Старик стал в сторонке,— нужно было отдышаться, осмотреться, куда далее путь держать. Тот коридор напоминал встревоженный улей. Дверей пятнадцать вдоль коридора, и у каждой, где

змежкой, где кучей, а где и просто вроссыпь толпились люди. Они были похожи друг на друга возрастом, простотой в одежде, утомлёнными лицами. Какая-то серая однообразная невесёлая масса раздражёнными голосами вела недозвольные разговоры. То и дело гомон толпы стихал, забиваемый бойким цоканьем дамского каблукка: открывалась под дуб дверь какого-нибудь кабинета, и «слуга народа» в виде расфуфыренной особы важно проходила к двери другого кабинета. Стоголовая толпа, как подсолнухи за солнцем, смиренно сопровождала удивлённым взглядом «деликатную» особу, как будто та с другой планеты: «Не явление ли Христа народу?!» По крайней мере, её одежды и манера держать себя и двигаться ну ни как не совпадали с серой массой пенсионеров. «Инопланетянки» постоянно слонялись из кабинета в кабинет. Делают они это вот по какой причине: сегодня они принимают от посетителей документы; завтра не приёмный день, — они будут те бумаги обрабатывать, и нет резона набирать целую охапку, когда можно обойтись двумя, тремя, организовав себе дополнительный выходной. Вот почему «инопланетянки» слоняются весь день из кабинета в кабинет. В одной руке у них чайник или кофейник, чашка с недопитым кофе, или просто ключ от кабинета. Другая рука, прижавши к груди кипу документов, сообщала, мол, иду к начальнице выяснить тот или иной вопрос. «Но если сама не можешь решить данного вопроса, на кой ляд ты тут сидишь?! Иди, торгуй пирожками, мороженым, ситро продавай. Прямо вот зло

берёт! Кукла чёртова. Глаза бы на них не глядели!»— Егор начинал «заводиться». Он терпеть не мог всяких дармоедов, особенно «кабинетных крыс»: каждая из себя меня корёжит, как — будто она — пуп земли, а сама чуть что,— бежит к начальнику с вопросами. Пустышка!!!

Егор отдышался, осмотрелся. Первая с краю дверь, с обеих сторон богато обитая жёлтой кожей с позолоченной канителью, открыта настежь. Егор несмело заглянул в комнату: приёмная. И никого. Справа дверь к заведующему, слева — к заместителю. Старик решил зайти, тронул правую дверь и надавил на неё. Его глазу открылась огромная комната, как армейская столовая. Весь пол застлан персидскими коврами. По стенам, где не было окон, стояли большие красивые импортные кожаные диваны. Между ними шикарные кресла. Около окон столы. На одном восседал компьютер со всеми его причиндалами, на другом огромный телевизор. На других столах цветы, цветы, цветы. По середине длинный большущий стол с массивными ножками-тумбами, покрытый зелёным сукном. Стулья из красного дерева с высокими фигурными спинками придвинуты были к столу. (Прислонить голову на таковые во время заседаний, все равно, что витать в эмпиреях по соседству с Господом Богом). Над всем этим висела большущая люстра с вентилятором. Её хрусталь серебрился своими многочисленными гранями. «Царские палаты»— мелькнуло в голове старика.

-Ну, кто там расхлебенил дверь?!— раздался зычный и властный мужской голос из-за двери.— Заходи.— Голос у заведующего пенсионным фондом, Михал Ефимовича Прыткого, командирский. Порою какому-нибудь незадачливому полковнику, чтобы стать генералом, не хватает как раз вот такого зычного голоса. А у Прыткого всё при всём, и вообще, он мужик разбитной. Был начальником городской свалки, завотделом культуры в райсовете, даже главврачом районной больницы, правда, с известной приставкой «И.О.». Теперь вот здесь.

Егор застал Михаила Ефимовича за любимым занятием. Всё свободное время заведующий прохаживался вдоль длинной пустой стены, на которой были наклеены фотообои: во всю стену с потолка до пола красовалась картина Ивана Шишкина с соснами среди огромного ржаного поля. Фотообои, по словам жены Прыткого,— анахронизм при таком современном убранстве кабинета, но Михал Ефимович специально не тронул их во время ремонта. Дело в том, что он от кого-то слышал, якобы, всякий раз, когда смотришь на произведение искусства, открываешь для себя что-то новое. Пока Михал Ефимычу не удавалось этого сделать. На полотне он видел только три вещи: огромное ржаное поле, сосны и пыльную дорогу, тянущуюся наискосок через всю стену от пола до самого потолка. Заведующий замер в пол-оборота,

как раз ступив ногами у края жёлтой пыльной дороги, как бы собираясь по ней идти в поисках искомой отгадки. Прыткий держал руки глубоко в карманах брюк, качаясь с бока на бок, как маятник метронома, то в одну сторону, то в другую, играл «в карманный бильярд». Появление Егора нисколько не смутило его и не оторвало от любимого занятия: он продолжал «катать шары». Егор высказал цель своего визита.

-Зайди, напротив, к заму, – указал кивком на противоположную дверь заведующий, и не раздумывая, зашагал... в дальний угол «палаты», отказавшись идти пыльной дорогой. (Да и действительно, с какой стати обувь пачкать?!)

Замом у Прыткого была Нелли Фёдоровна Кобылянская, миловидная дамочка с чудными ямочками на щеках, с шикарной причёской и с неизменным спутником современных женщин- детективом, хитро спрятанным среди прочих бумаг. Так не вовремя и так некстати заглянул этот старик! На самой развязке повествования! Кобылянская, не поднимая головы, отмахнулась от старика, как от мухи и послала его... к своей помощнице в 44-ый кабинет.

-Пом...зам... зава! – чеканя каждый слог, громко усмехнулся старик, проходя по коридору через всю толпу. А получилось, будто собачий лай: «гав-гав-гав». – Неровен час, скоро залаешь.

Задумавшаяся было о чём-то старушка, очнулась вдруг и сказала:

-Э-э-х, милоч! Торчу тут, как забытая клизма, уже третий день, – не токмо залаешь, волком завоешь!

Около дверей с двумя четвёрками толпилось всего человека три, не более. Егор облегчённо вздохнул и стал осматриваться, искать место, где бы приземлиться. Кстати, в подобных заведениях сесть разом не на что, чтобы посетители особоб- то не засиживались. Иным, глядишь, захочется и вздремнуть! Егору приходилось и ранее бывать в оных учреждениях, и всегда он отмечал характерную деталь: в помещениях, как будто нарочно затевали ремонт или проводку телефонных кабелей, или вставляли новые рамы. Добрая половина кабинетов, естественно, не работала, потому- то «инопланетянки» на законных основаниях весь день слонялись по магазинам, парикмахерским и другим подобным местечкам. Конечно, слабонервный посетитель махнёт рукой на очередь и отложит своё дело до будущего раза, хотя в следующий раз, возможно, будут перестилать или красить полы, или натирать паркет. Ну, это так, к слову сказать.

Егор заметил, что кабинеты и после 44-ого номера продолжались, но все были закрыты. Вывешенное объявление

гласило: «ИДУТ МОНТАЖНЫЕ РАБОТЫ».

Только крайняя дверь была приоткрыта, из которой тянулись в несколько следов белые провода и слышались мужские голоса. Егор полюбопытствовал и заглянул в кабинет, желая попросить стул. На стульях в кабинете, на полу лежали бобины проводов, стояли раскрытые специальные ящики с инструментами. Два мужичка в фирменной спецовке сидели возле стола, разложив всевозможную еду и прочую закуску. Очевидно, завтракали. Было на столе и что выпить.

-Заходи, отец!– приветствовал старика тот, что сидел передом к нему.– Не бойся, мы не кусаемся.

Тут к старику на вращающемся кресле скоро обернулся и второй мужичок. Батюшки мои ! Свят, свят! Вылитый – Путин. Невысок росточком, с резвыми, умными, но без всякой хитрости глазками, гладенькая причёска с залысынами, нос слегка продолговатый. Ну ни дать, ни взять Владимир Владимирович! Дед Егор остолбенел. Рука, вначале просившая стул, сама замерла на месте: «Не привидение ли это?!» Егор хотел перекреститься, но рука не слушалась,– неожиданность так шибанула его.

-Присаживайся к нам, батя, – подчёркнуто учтиво сказал Путин, однако голос был уже не тот. Это размагнитило слег-

ка старика, но не разочаровало. Он попросил стул, не спуская глаз с мнимого Путина, как бы изучая его. Тот убрал бобины проводов со стула, придвинул его ближе к столу и пригласил старика присесть. Егор продолжал находиться во власти иллюзии. Он так уважал настоящего Путина, можно даже сказать боготворил его, что и мнимому Путину не мог просто так отказать. Потребовалось бы какое-то время, чтобы окончательно размагнититься. Но прежде пришлось присесть хотя бы и на краешек предложенного стула. Пока он сиделся, напарник мнимого Путина выглянул в коридор, попросил женщин, чтобы сказали, когда подойдёт очередь старика, идти в кабинет. Похожий на Путина взял со стола зелёную пузатую бутылку, на этикетке которой большими буквами значилось: «НАПОЛЕОН», налил не больше напёрстка в пластиковый стаканчик, поднёс старику. Егор слышал про армянский коньяк, про тот же «НАПОЛЕОН», но пить никогда не приходилось. Оно бы и сейчас не нужно было. Разве что пригубить маленько! Хотя бы попробовать на вкус: шо оно вин такэ. Подвернётся ли ещё когда случай попробовать?! (На свои шиши и рассчитывать нечего). Так что отказывать хоть и не настоящему Путину не было никакого резона. Егор решил малость пригубить, но подлая рука, вечно трясущаяся в таких случаях, и на этот раз подвела: выплеснула всё содержимое стаканчика старику в рот. Вку-у-ус необыкновенный! Бальзам, да и только. Сразу по жилочкам потекло тепло и некая истома. Блажен тот человек, кто

сотворил такой напиток!

Парень, похожий на Путина, предложил старику кусочек шоколада. Тоже приятный, тает во рту и жевать не надо (кстати, оно и нечем). Вот так вот случись встретиться нос к носу с настоящим Путиным, сразу и не найдёшься что сказать, с чего начать разговор. Дед Егор молча шамкал впалым ртом, подыскивая надлежащие слова. Напарник похожего на Путина угадал состояние старика:

-А мы его, разговорчик- то, сейчас спрыснем и оживим,— и плеснул в стаканчики не больше первого раза.

-Спасибо вам, ребятки, огромное, – возразил старик.— Уважили. Но это уже будет слишком,— и указал пальцем на стаканчик.— Не сдюжу. Сами понимаете, года...

-От него только здоровее будете,— стал успокаивать Егора не настоящий Путин.— Только настроение поднимется. Мы ж сами не пьянки ради...поднять тонус...

Настроение у старика и так уже было на мази. Много ли человеку надо для счастья?! Теплое движение доброй души,— и ты уже на седьмом небе. Егору было достаточно того, что предложили сесть. Он отдохнул, даже разомлел немного. Во второй раз не надо бы было соглашаться, но отказать Пу-

тину, хоть и не настоящему, язык не поворачивался. И в руке появилась крепость, уверенность. По крайней мере, не дрожала, подлая, как в первый раз, чётко опрокинула стаканчик в рот. Напарник не настоящего Путина предложил конфетку, раздев её догола. Егор только положил её в рот, из коридора послышался женский голос:

-Дедушка! Ваша очередь подошла.

На ходу, поблагодарив ребят, бодро засеменял ножками в желаемый кабинет, что был рядом, за перегородкой, откуда периодически доносились голоса, пока Егор гостил у ребят.

Убран кабинет был немножко иначе, нежели те два, но все равно тот, кто колдовал над внутренним убранством комнат, хотел, чтобы в этих стенах больше отдыхали, нежели работали. Об этом говорил и вид молодой девушки, которая всякими там прикидами принарядилась на дискотеку, да вспомнила, что сначала надо сходить на работу, а уж потом дискотека. Время поджимало, переодеться некогда, пришла, в чём была. А выглядела она красивой, как и вся молодёжь. Суховата в деловом разговоре и чувствовала себя не совсем уверенно. Егор заметил это при первых же её словах. Он назвал, подал свои документы и высказал суть вопроса, интересовавшего его. Девушка быстренько потыкала клавиши компьютера, стала читать на экране высветившиеся данные.

-Пенсия вам начислена правильно,— сухо произнесла она.

-Как же правильно?— возмутился старик не столько смыслом, сколько сухостью сказанного.— Простая уборщица больше меня получает. Выходит я зря на Колыме морозил... эти... самые... И мне меньше... Где же тут правильно?... — старик «заводился», что называется на «холодную», голос его постепенно крепчал, становился звонче, как — будто внутри у него кто-то сидел и давил на газушку. Дед Егор пытался и никак не мог вспомнить что-то важное, о чём говорила старуха ему на дорожку, потому, наверное, начинал терять контроль над своей речью: то вдруг замолкал, будто внутри его запал кончался, с открытым ртом стоял посреди кабинета, то вновь «его движок» начинал тарыхтеть с ещё большим усилием. Тогда он выпаливал очередь, как из пулемёта: про кабанчик и бронзовую вывеску на фасаде; особо остановился на охранниках (кого и от кого охранять?); про «царские палаты»...

-Вы на нашей нужде жируете! Ковры да кожаные диваны! Посмотрите, как одет простой люд!— старик ногой толкнул дверь, желая показать невзрачную толпу пенсионеров. Шпонируемое полотно, лёгкое на подъём, неожиданно стукнуло пожилую дамочку, которая, услышав через перегородку нарастающий голос старика, бежала из соседнего кабинета

на выручку молодой. Тут старик как раз вспомнил то главное из наказов старухи: «Путин по телевизору обещал прибавить пенсию северянам». Вот оно что. Настойчивость старика опиралась не на пустоту, не на воздух. «Просто эти дамочки не слушают новостей»— подумал дед Егор, а вошедшая дама, потирая ушибленный лоб, наперекор ему думала: «Нам это нужно? чтобы потом приходили вот такие старики и старухи и качали свои права? Пенсионерам, этим нищим – попрошайкам только дай волю: заплюют и втопчут в грязь. Посмотри, какие они все здоровые, крепкие,— кувалдой не сшибёшь. Попробуй зайти впереди них в трамвай, в автобус или в электричку,— жила тонка сдвинуть их с места. Как Красноярские Столбы!»

Противоборствующие полюса накалялись с невероятной быстротой. С одной стороны этому способствовал «НАПОЛЕОН», с другой – честь мундира не давала возможности пойти на попятную. Чиркни спичкой! и взрыв обеспечен. Старик стоял на своём:

-Путин давно ещё сказал по телевизору, что северянам прибавят пенсии.

-Да вы больше слушайте этого Путина! Путин сказал, Путин сказал,— со злобой стала передразнивать старика дамочка, придя в себя от столкновения с дверью.— Он много чего

говорит, а где их, деньги, взять? Болтать-то легко,— пожилая дамочка не то что сказала, а «плесканула» из пузырька серной кислотой в лицо старику. Он терпеть не мог, когда об уважаемом им человеке отзывались наплевательски. «Оно и впрямь, как же можно вот так огульно. Ведь Путин...ведь Путин...Он последняя надежда и опора России. Других- то, кто бы мог постоять за неё и близко не видно. Это ж вот как у теннисистов: знаменитых много, а в кубке Дэвиса за всех отдувается Марат Сафин. Где же здесь справедливость?!». Тут, конечно, старик не выдержал и «пошёл в разнос».

-Да вам и цари были нехороши!— ринулся в наступление дед.

-Кому это вам и какие цари?!— возмутилась пожилая дамочка, недоумённо пожимая плечами и, обернувшись к молодой, сделала кислую мину на лице.

-Вам,— это чиновникам и бюрократам всех времён, начиная с Ивана Грозного,— довольно громко стал изъясняться старик.— Каких царей? А тех, которых взрывали и в которых стреляли. Вам и Ленин стал нехорош, а Сталина вообще с гав..ом смешали. И всё это ваших рук дело бюрократы, да чиновники! Сначала рядились в дворян, бояр да вельмож, потом большевиками да коммунистами заделались, теперь демократами стали, к Путину грязные свои ручонки тянете.

Что? прищемил он вам хвосты- то, оттого и не хорош стал. Не троньте его!– закричал дед,– Не позволю! На нём вся Расея держится!

-Да он сумасшедший!– тихо шепнула молодка.

-Он пьяный!– строго резюмировала пожилая дамочка и мигнула молодке левым глазом. Та под столом стала шарить ногой кнопку вызова охранников. (Кстати, приём, очень часто применяемый в подобных учреждениях и в подобных случаях).

Ильи Муромцы не заставили себя ждать: тут как тут. Взяли под локти старика, вынесли из кабинета, грозясь вызвать милицию. Быть бы деду «декабристом» битых пятнадцать суток, но тут подоспел всё тот же Путин, (простите) похожий на Путина. Он уговорил Добрых Молодцев не звонить в милицию, и взял Егора под свою ответственность. Старик больше не артачился: образ Путина на него действовал магически,– даже если бы его сейчас повели на расстрел, он бы и не пикнул.

-Вася,– сказал похожий на Путина напарнику,– ты бей штурбу, я отца отправлю домой.

Василий как мог приободрял деда:

-Ты правильно говорил, старик! Так им и надо. Помню ещё мальчишкой ходил с бабушкой оформлять её пенсию. На весь район два работника райсобеса сидели в фанерной комнатухе под лестницей – и никаких очередей.

– Здесь пятьдесят слишком кабинетов, и в каждом минимум по три крала сидят, – поддакнул похожий на Путина.

Ребята аккуратно положили документы Егора в целлофановый пакет. Похожий на Путина закрутил покрепче пробку на начатой бутылке «НАПОЛЕОНА», сунул в дедов пакет, взял Егора под руку повёл к выходу. Пока они шли по коридору, толпа, потупив взор, молчала, словно выносили покойника.

Бревно-то гнилое

В далёкие времена лихие воины, чтобы завладеть крепостью, применяли бревно, подвешенное на цепях. Этим бревном воины разрушали ворота или стены. И сейчас то древнее орудие существует, только немножечко в другом виде. Хотя предназначение осталось прежним: разрушать.

За примером далеко ходить не надо. Классический эталон этого мы найдём в разрушении могучей крепости под названием СССР. Сразу оговорюсь. Львиная доля вины в той вселенской трагедии лежит на руководстве Союза и на самом советском народе. Первые всё «кормили завтраками» вторых о приближении Коммунизма, вторые с нетерпением жаждали перемен. Поэтому и первые, и вторые, не проронив слезинки и не сняв головных уборов, тихо и мирно похоронили усопшего.

Запад, руководимый дядей Сэмом, приписал себе эту победу. Доля истины в этом есть. После того, как во Вьетнаме дядя Сэм получил мощнейший пинок под зад, сам лично не ввязывался в большие драки. Так только по мелочам. Американцы пошли другим путём. Стали, например, разрушать крепостные стены СССР, расшатывать их бревном. На роль бревна сгодился Солженицын. Он «воевал» как раз с КПСС. Бревну не обязательно быть разумным, задумываться над тем, что КПСС и СССР- это не одно и то же. Господин

бревно, помогая американцам раскачивать пароходище под именем СССР, не думал, что будет потом. Поливая коммунистов грязью сталинских репрессий, Солженицын, сам того не осознавая, стал в купе с дядей Сэмом во сто крат страшнее Сталина. Назовите, пожалуйста, досточтимый читатель, бывшую некогда республику СССР, а ныне страну, которая бы в настоящее время процветала. Нищета, разруха, бандитские разборки, междуусобица, унёсшие, как цунами, массы невинных душ. Только больной на всю голову человек будет сравнивать эти величины.

И вот новый Проект Запада по развалу теперь уже России, и новое бревно, – Навальный. Чтобы бревно сильнее било, на Западе специально разработали комедию с отравлением «берлинского пациента». Задумка не плохая, – разжалобить народ жертвой режима. Российский народ сердобольный, всей душой за жертву режима. Так, по началу, было и с Солженицыным. А когда раскусили в чём дело, СССР уже не стало. Напомню: будь Горби как Путин, рога бы Запад себе пообломал, как пить дать. По мне, пусть Горбачёв оставался бы комбайнёром. Его огрехи на колхозных полях были бы не так вредны для хода развития человечества.

Но вернёмся к новому бревну. Меня так и подмывает спросить:

– Дядя Сэм, а что другого бревна у Вас не нашлось? Уж больно это гнилое, прегнилое. Такой «жертвой режима» народ не разжалобишь. Ветерана ВОВ называет куклой в орде-

нах. К суду и судье никакого уважения. Прокурора доводит до слёз. По натуре нацист, имеет несколько судимостей. Ни в одни ворота это бревно не лезет, хоть поставь его, хоть положи. И Вы, дядя Сэм, таким гнилым бревнышком хотите развалить Россию. Ну, ну!!! Флаг Вам в руки.

О баранах

«Браво, Россия!!! Брависсимо!!!» Так нормальные люди на Западе аплодируют нашей стране. А не нормальные бьются во злобе, рвут у себя в одном месте волоса: «Ведь опять эти рашен придурки на весь Мир нас позорят!».

Подобное случалось и раньше. М.И. Кутузов, как шкодливых котят тыкал носом, как говорится, мордой бил об стол наполеоновских генералов.

А с Гитлером как было?!!! И. В. Сталин заставил офицеров Армии Паульса по Красной площади шагать. Узнав об этом, Гитлер описался кипятком, мол, как стадо баранов прошли эти «вояки» по центральной площади Москвы. Вот так СССР стриг баранов, зарабатывая свой заслуженный авторитет.

Последователи тех гитлеровских баранов оплошали и в этот раз, в Мосгорсуде.

Если бы судили какого-нибудь Ваську Пупкина, то понадобилось бы несколько минут, чтобы условный срок заменить реальным. Так было бы и с подсудимым Навальным. Но тут понаехали два десятка дипломатов порадеть за своего человечка. Я подчёркиваю слово «за своего». Дипломаты, вопреки всем законам и правилам, только одним своим присутствием в нашем суде доказали это. Их понять можно: Навальный – последняя соломинка для утопающего Проек-

та Запада по свержению В.В.Путина. Больше нет никого на примете. О Тихоновской и речь не заводи, она под Лукашенко сдулась, и не слышно её и не видно. На Каспарова и Ходорковского мало надежды. Им только успевай, плати миллионы, а толку с гулькин нос. Потому-то за Навального Запад встал горой, посчитав нас придурками. Ведь американцы там или англичане на заседании в своём суде даже муху зарубежную не потерпят. А Россия-матушка ж добрейшая-пре добрейшая страна. Двери суда настезь: «Пожалуйста, ребята, заходите. Будьте как дома!».

Ровно в одиннадцать часов начался суд. Я бы назвал это стрижкой баранов. Вместо нескольких минут, судья (я искренне благодарю её от лица россиян за столь мужественный поступок) почти половину суток «маневрировала» между пустым и порожним. Она стойко переносила психо-истерические крики и выпады подсудимого, внимательно выслушивала неуверенные доводы защитников. И надо признаться, правильно делала, дабы «дурь всякого на виду была». А тех, кто нас посчитал придурками, она измором брала, явно намекая им искать придурков в зеркале. Ведь после каждого перерыва, дипломаты садились на свои места с уверенностью, что вот наконец-то подсудимого, благодаря их давлению, отпустят на вольные хлеба. Ан! не тут-то было, объявлялся опять перерыв. Это называется игра в кошки мышки. Ты, вроде бы, уже зажал в угол искомого, а в руках опять пусто. Снова перерыв, и снова надо садиться на место, а я бы

сказал: «Садиться в лужу»!!! Не позавидуешь придуркам!!!

Так Россия вновь занималась стрижкой. Хотя от этих баранов, как от поросят «визгу много, а шерсти мало», но, как говорится, в роде бы пустячок, а приятно!!!

Не могу умолчать вот о чём. В эти же дни Москву посетил представитель правительства ЕС. Если он не глупый человек, то наверняка понял, что пора бы уже Западу усвоить: в России баранов не режут, их стригут, зарабатывая на этом определённую прибыль.

Старый анекдот на новый лад

Вы, конечно же , хохотали, услышав его. Первое предложение звучит так: "Американец, француз и русский сидели у костра". Как они оказались вместе?!! Об этом речь впереди.

Вселенная безмятежно спала, не подозревая, что на планете Земля всю готовятся к неизбежной третьей и последней Мировой Войне. Всевышний был в курсе всех событий до мельчайших подробностей. Твёрдая его рука постоянно лежала на пульсе Вечности. Господь знал, что нужен глаз да глаз за людьми, созданными им самим по образу божьему. Они очень далеки от совершенства. Эти сукины дети постоянно «пилят сук, на котором сидят».

В последние десятилетия верховодят в этом вопросе, конечно же, американцы. Они возомнили себя божьими посланниками. Жизнь на Земле превратили в посмешище над человечеством. Правда, Честь, Уважение друг другу поправны Тугим Кошельком, Ложью и Лицемерием Американцы по всему миру насаждают свою демократию. Она у них, якобы, особая. Теперь выяснилось,— действительно «особая» демократия, воровская. А кто с ними не согласен, тех бомбят и под шумок хаоса обворовывают ретивых. (Нефтяные скважины в Сирии и Ливии, например).

Вишенкой на этом торте стал Президент Трамтарарам.

Он, как бандит с большой дороги, угрожая силовой дубиной, разрушил всё, что можно было разрушить. Вышел из всех договоров, повёл торговую войну с Китаем, разругался с ЕС и чуть не прикрыл НАТО. Своим четырёхлетним правлением заголил подол хвалёной западной демократии, показав всем бесстыдную ложь, которой прикрывалась страна все годы своего недолгого бытия. Мир вздрогнул, увидев, что такое «Град на холме, его пресловутая демократия, мнимая свобода и братство белых с неграми».

Этого Трамтарараму не могли простить воротилы Мира сего, Глобалисты. Вопреки логике и совести они сделали всё, чтобы он не пробился на второй президентский срок. Уж он такое бы натворил!!! – ведь обещал «осушить Вашингтонское болото». Он стал изгоем в своей стране. На него всех собак повесили

Струна эмоций Трамтарарама постоянно натягивалась. Ведь вот уже выборщики незаслуженно отдали голоса сопернику. Верховный Суд, дабы не позорить до конца систему «Града на Холме», отклонил жалобу о безобразиях на выборах. Вдобавок ко всему надо присовокупить гнусное жужжание, ржавое дребезжание и всякое, всякое недержание продажного медиа. Кроме прочей грязи, взбаламутили слухи о том, что, якобы молодая жена бросает старика и уходит к любовнику. Ну, кто такое выдержит?!?!

Всё!!! Курок взведён в его мозгу. Власть наглým образом отобрана!!! Жена уходит!!! Жена уходит!!! Власть отобра-

на!!! Со словами «Так не доставайся же ты никому!» Трам-тарарам жмёт на красную кнопку ядерного чемоданчика. На той стороне океана мгновенно ответили . С военных баз, разбросанных по всему миру, с подводных лодок и надводных кораблей, как саранча, вверх взметнулись ракеты, самолёты и дроны. Потемнело синее небо, покрылось скопищем ревущей техники, устремлённой к давно намеченным целям. Солнце, чтобы не видеть такого позорища, стыдливо прикрылось вуалью, сотканной из следов отработанных газов взметнувшейся техники. Над всей землёй вот-вот поднимется Ядерный Гриб, начнётся Цепная Реакция, которую уже ничем не остановить.

Как автор рассказа, я имею возможность на некоторое время приостановить развитие апокалипсиса, чтобы объяснить читателю ЧТО? ГДЕ? КОГДА? проходило перед этим.

Вновь избранный Президент США (для удобства и краткости назовём его Новичком) в первую очередь решил ознакомиться с Самолётом Судного Дня. Как говорится, своя рубашка ближе к телу. К тому же Новичку рассказывали, что самолёт, управляемый искусственным интеллектом, – сказочный Ковёр – самолёт. В нём всё есть, что твоей душеньке угодно. Даже на всякий случай досужие люди положили «Виагру» или подобие её. А вдруг понадобится!!!

Новичок, кстати, не путайте, пожалуйста, его с ядом «Новичок», застрявшим в воспалённых мозгах западных политиков, который вопреки их желанию и упорному брюзжа-

нию, ещё никого не отравил. Так вот, довольный Ковром-самолётом Новичок при выходе, увидев крутые ступеньки трапа, решил передохнуть в кресле. Поломанная в яростной борьбе на выборах, нога давала о себе знать.

Тут, предвидя ближайшие события на планете Земля, искусственный интеллект захлопнул дверку, и Ковёр – самолёт взмыл вверх, выигрывая время.

А в Париже два мусульманина, алжирец Абдулла и марокканец Джибулла решили выкрасть Микрона. Он как раз убежал от жёлтых жилетов. А на ловца, как говорится, и зверь бежит! Абдулла вытащил острый нож, чтобы обезглавить пленника. Джибулла остановил его. Накинул на еле живого от страха мученика мешок из-под тростникового сахара. И таким образом доставили его к себе в Африку в пустыню Сахару. Там на раскалённом песке, развязав мешок, мусульмане отпустили мученика на все четыре стороны, приговаривая: «Собаке собачья смерть!»

Дальше, как вы правильно догадались, речь пойдёт о России. У нас же оно как! В нужный момент случается не понос, так золотуха.

Два бомжа тайно проникли на военный аэродром, перочинным ножичком открыли задний люк Самолёта Судного Дня. Тем же ножичком выковырнули детали управления, содержащие дорогостоящие металлы и сдали их в пункт приёма цветмета.

Нашему Президенту тут же доложили об этом. К нему

в резиденцию Бочаров Ручей как раз с докладом приехал Министр Обороны. Чувствуя свою вину и понимая, что ему не сносить головы за обворованный самолёт, Министр, как другу, поведал Президенту величайшую тайну. Оказывается, Министр, зная, что в нужный момент в самолёт Судного Дня чёрта два пробьёшься сквозь толпу дружков и прихлебателей. Он в тайне с группой рабочих ВПК, из одной лодки «ПОСЕЙДОН» убрал атомную начинку, тем самым освободил место для пассажира.

–Эта штука намного превосходит Ковёр-самолёт Штатов,– замаливая свою вину, смущённо докладывал Министр.

–А где она?– спросил Главнокомандующий.

–Здесь не далеко в море в укромном местечке,– ответил Министр.

–Пойдём, посмотрим,– предложил Президент.

–Пошли,– с радостью согласился Министр, – единственный её недостаток – мало места,– развернуться негде. Одному ещё, куда ни шло. Двоим тесно.

Добрались до места. «Умная голова» «ПОСЕЙДОНА» по лицам распознала пришедших и открыла дверку входа в ракету.

–Там, около буржуйки на стопках брикетов с ядерным топливом лежит книжка-букварь, на всякий случай,– докладывал Министр Обороны, – в ней всё подробнейшим образом расписано,– как справиться с ракетой.– Тут Министр уступил дорогу Президенту и тот протиснулся в ракету.

Вы уже догадались, что за вошедшим тут же захлопнулась дверка ракеты и «ПОСЕЙДОН» рванулся в известном только ему одном направлении. Из Черного моря в Средиземное и далее.

Тем временем, когда к небу рванулся всё разрушающий Атомный Гриб, и началась Цепная Реакция, Господь допивал свой любимый «Нескафе Голд», сделав последний глоток, Боженька опрокинул пустой стакан и прикрыл им на планете Земля местечко в верховьях Нила, чтобы колыбель человечества не пострадала от апокалипсиса.

Читатель! Вы нетерпеливы. Вам уже хочется знать, чем закончится вся эта история. К сожалению, я не волшебник и не могу взмахом волшебной палочки расставить всё по местам. Не шуточное дело свести всех четверых героев старого анекдота вместе. О Троиخ я уже рассказал. Не так-то просто четвёртого героя Вам показать. Я боюсь, что у меня не хватит таланта описать её красоту. Да, да! Это девушка. Позаимствую-ка я у умных людей характеристику на неё: «Студентка, Спортсменка и просто Красавица». Словом «Мисс Вселенной». На одноимённом конкурсе она завоевала это звание. По условиям конкурса с гуманитарной помощью ей надо было объехать полсвета, помогая нуждающимся людям. Знала многие языки.

В тот момент она находилась в верховьях Нила. Постирив постельное бельё у одной немощной старушки, сложив его в тазик пошла на речку на деревянной мостушке пропо-

лоскать простыни и наволочки. Только окунула наволочку в воду, рядом показалась огромная зелёная голова. Мисс Вселенной испугалась. Думала, что это трёхсотлетний нильский крокодил. О нём ей столько рассказывали. Ужас!!! Живьём глотает людей и не подавится. Мисс с мостушки побежала на берег, и голова поползла за ней. На берегу остановилась.

И ни какой это не крокодил, а «ПОСЕЙДОН».

Ах!!! Если б вы знали, какой сюрприз ждал её. Дверки ракеты раздвинулись, и из неё вышел Он. Мисс по походке узнала Его. Левая рука у него неподвижно висела вдоль туловища, в то время как правая описывала полукруг. (Не путать со Сталиным,— у того левая рука была изуродована в царских застенках). Девушка глазам своим не верила. Мисс всегда мечтала с ним встретиться. В западных журналах его изображали с клыками, в волчьем обличии (война в Чечне и пр.). Но она верила, что он хороший. Хотела попасть на его пресс конференцию и задать единственный вопрос: «Я хочу выйти за вас замуж!!! Вы женитесь на мне?».

Они поздоровались. Беседуя, стали прогуливаться по берегу Нила и его окрестностям. Он объяснил ей, что произошло на Земле. Днём Они готовили пищу на костре. На ночь Она уходила в ракету, Он оставался у костра на поваленной сосне. Ему не впервой коротать время у охотничьего костра.

В какой-то из дней над ними загудело. Это ковёр-самолёт, израсходовав весь керосин, наконец-то добрался до Райского Уголка. « Умная голова» выплонула из себя катапультной

Новичка, а сам ковёр-самолёт рухнул в горячую магму. Новичок на парашюте снижался над Райским Уголком. А так как он не умел управлять парашютом, стропой зацепился за сук дерева. Если бы не Он и не Она, висеть бы Новичку ёлочной игрушкой до Морковкиной Розговении.

Не успели снять Новичка, как откуда-то всплыл Микрон, на середине Нила стал барахтаться. У себя дома он также вот на выборах всплыл неизвестно откуда.

Я поведаю, откуда всплыл Микрон. Он упорно шёл и полз по раскалённой Сахаре на Восток. Находясь в беспамятстве, бедняга только коснулся руками воды Нила и тут! вот тебе на: к берегу подплыл нильский трёхсотлетний крокодил. Он живьём проглотил Микрона и довольный удачной охотой, поплыл вдоль по Нилу. За триста лет жизни каждая клеточка тела аллигатора пропиталась мусульманским духом. Не потому ли желудок крокодила возмутился и отказался переваривать Микрона. Аллигатора стало тошнить. Он маялся, маялся и ничего иного не придумал, как выплюнуть жертву на середине реки.

Фу!!! Наконец-то я собрал вместе всех героев старого анекдота.

Американец, француз и русский сидели у костра. В это время Мисс снимала с верёвки высушенное бельё. Это делать ей приходилось, становясь на цыпочки. Лёгонькое платьице то и дело поднималось «по самое не балуйся». Подобные картинки сводят с ума самцов, будоража их мужескую силу.

Новичок и Микрон стали чуть ли не до драки спорить о том, кому должна принадлежать Мисс. У Микрона накопело от этих пиндосов. Везде суют свой нос, всегда они главные. Правда, иногда для видимости щелчком любовно сбивают перхоть с пиджачка собеседника, на самом же деле презирают его. Новичок, как от назойливой мухи отмахивался от француза. Наконец они обратились к русскому:

–А ты что молчишь?

–Ваш спор есть чушь собачья,– отрезал русский.– Я уже неделю живу с ней. Так что ваша компания не для нас.– Тут подошла Мисс, держа в руках чистенькое бельё. Она и Он посоветовали спорщикам, накинув на головы наволочки и завернувшись в простыни, ползти потихоньку на кладбище.

Он и Она сели в ракету. «ПОСЕЙДОН» взмыл вверх к Солнцу, где не далеко от Небесного Светила, как только произошёл Большой Взрыв, образовалась новая планета точь в точь похожая на Землю. На ней пришельцы станут Адамом и Евой.

Надеюсь, следующий опыт Всевышнего над людьми пройдёт гораздо успешнее, и человечество построит наконец-то Рай на новой планете.

Заглянем в завтрашний день

(По следам нашумевших событий)

Жил-был Скрипаль когда-то. При нём их доченька была. Жили они так себе. Не сказать, что припеваючи. Нет. Суди-

те сами. Дочка частенько возила из России дешёвую гречку, ибо в Британии цены на продукты кусались. Тут какой-нибудь злопыхатель и враг России, наподобие Гавнозмана, попробует загнать меня в угол, мол, просто Скрипаль очень любит гречку и жить без неё не может. И то правда. Какой же русский не любит гречку. Но я стою на своём и стоять буду. Если бы было иначе, то со Скрипалями не случилось бы того, что с ними случилось.

Когда-то Британия была могучей державой, и люди, её населявшие были нечета нынешним. Специалисты сыска и разведки подобно Шерлоку Холмсу давно перевелись.

А может быть, время изменилось? Не обязательно операцию просчитывать на несколько ходов вперёд. Просто у бывших была совесть, а сегодня она ни к чему. Ну, соврал ты, допустим, и кто тебе в глаз кольнёт этим!?

Короче, сшили они белыми нитками «дело Скрипалей». А ведь известно, что «англичанка» давно стала нам гадить, как шкодливая котёнок. Не будем копать в далеком прошлом. Начнём с «дел Литвиненко и Березовского». Пытались повесить на нас всех собак, – не получилось. И вот теперь «дело Скрипалей». Вместо достоверных фактов, обставили с помпой это «дело», потратив уйму денег. Убрали скамейку, на которой поплохело Скрипалям. Вымыли с мылом газон в скверике, чтобы опять-таки ни кто не отравился. Бульдозером снесли к чертям собачьим дом, в котором яко-

бы травились жертвы «Российского режима» то ли гречкой, то ли от дверной ручки. Короче, обгадили Россию, как могли,—дохнуть нечем. Ладно! Пошли дальше.

Сирия. Пригородное местечко Дума (не путать с Госдумой). Опять отравление. Опять та же контора шьёт белыми нитками свой гавённый сценарий. Заметьте, опять никто не умер, хотя западная пресса без устали чихала месяцами, якобы от химических бомбёжек в сирийском пригороде. У западной прессы уже развился неизлечимый хронический гайморит. Чихает и заливается соплями так, что пузыри вздуваются под носом

. Кстати! У меня есть чем вылечить борзописцев от хронического недуга: ПОНЮХАЙТЕ МОЕГО ХРЕНА!!! На огороде у меня такой ядрённый хрен растёт. Представляете, я как-то угостил свою тещу холодцом с этим хреном. Потом с женой полдня её откачивали. С тех пор она к нам и глаз не кажет. Ну, это так к слову.

Проходит время и вот новый скандал. Шитьё становится ещё белее, а портной ещё дурнее. Нам теперь уже стала гадить Германия. Матушки мои!!! чья бы корова мычала. Уж она-то обгадилась в войнах с нами по самые уши. От них воняет,— без противогоза не продохнуть. И хочется им как-то отмыться, да нет мыла такого, чтобы могло смыть с них нашу кровь. Потому-то они радостно принялись гадить нам, чтобы при удобном случае притворно парировать: «Вы тоже не такие уж белые и пушистые».

И вновь портные не на высоте. Не известно, чем отравлен пациент немецкой больницы. А главное, как это произошло?!!! На его трусах нашли следы отравляющего вещества. Как бутылочка с ялом попала в трусы?!!! Оказия!!! Это приводит на странную мысль: «А может быть и мужское достоинство у пациента отвалилось?». Просто его жена стыдится об этом говорить. Но это пустяки! Главная цель достигнута. Ушат помоев вылит на россиян.

После всего изложенного я предлагаю читателю чуть- чуть заглянуть в ближайшее будущее. В старом Доме культуры Литвы или Эстонии (а почему бы и не в России) собрались злопыхатели и враги нашей Родины, Гавнозмань. Они уже не раз делили её вдоль и поперёк. И в этот раз во время их шабаша случайно со стола упадёт графин. А в нём Новичок. Тут же, якобы пострадавших расхватывают западные больницы. Станут лечить и реабилитировать, реабилитировать и лечить. Врачи будут ломать головы: «Чем же их отравили, если следов отравления никаких нет?!!!».

Западная пресса при этом будет аршинными буквами обращаться к Человечеству: «До коле будет это продолжаться?!!!».

Я тоже спрашиваю у Человечества: «До коле эта ложь будет над нами глумиться?!!!».

А мне сосед-фронтовик Фомич подсказывает :

-А ты их по морде!!! По морде!!!.

Грубовато, конечно, а что делать?!?! Другого выхода нет. Придётся напомнить им 1812год и 1941-45г.г.. Опыт у нас в этом плане солидный. Да и есть чем дать по морде. У нас не заржавеет!!!